

Юлия ЛИСТ

ТЫ УМРЁШЬ КРАСИВОЙ

Пока
прохожие
наслаждаются
зрелищем,
она истекает
кровью...

Следствие ведет ПРОФАЙЛЕР

Юлия Лист

Ты умрешь красивой

Серия «Следствие ведет профайлер»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69548764
Ты умрешь красивой: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-191264-2

Аннотация

Париж. Наши дни.

Бывший криминальный аналитик Эмиль Герши и его сестра-искусствовед Зоя, способная видеть души преступников насквозь, расследуют пропажу мальчиков из лицея имени Генриха IV, увлекавшихся черной магией.

Детский психолог и блогер Вера Максимова прилетает в Париж по их приглашению, чтобы распутать сложную связь учителя литературы, которого подозревают в серии убийств, и его учеников, но попадает под чары возможного маньяка, прозванного «Призраком Тюильри».

Двадцать лет назад юных женщин находили мертвыми в парке Тюильри. Одетые в карнавальные наряды, они сидели как куклы с глубоким проколом в теле. Неужели учитель не был пойман, а теперь постарел и тешится тем, что устраивает костюмированные перформансы, за которыми наблюдает из окон своей квартиры?

Вскоре обнаруживают его ученика, одетого в платье и убитого острым предметом... Но действительно ли убийца – учитель?

История о маньяке-эстете, в которой напарниками становятся вдумчивая и романтическая девушка из Питера и взбалмошный, немного циничный француз, выглядящий как персонаж аниме. Им помогает загадочная Зоя, интересующаяся связью искусства с природой преступлений. А разворачивается эта история на фоне Парижа, на его узких улочках, в кабинетах Префектуры полиции, на кладбище Пер-Лашез и в грандиозном Лувре среди мировых шедевров Микеланджело, да Винчи и Ватто.

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Интервью	9
Глава 2. Зоя	33
Глава 3. В театре Эссайон	47
Глава 4. Guilty pleasure[9]	61
Глава 5. Братья Герши	73
Глава 6. Ночь в Лувре	96
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Юлия Лист

Ты умрешь красивой

Все имена и события вымышлены, совпадения – случайны, а мнения персонажей не имеют ничего общего с авторским, лишь характеризуют их как личностей.

© Лист Ю., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

– Беги! – он с силой толкнул Веру в спину так, что она сразу же упала.

Один из пинчеров вцепился зубами в широкий металлический обруч на руке. Вера завизжала и стала стряхивать с себя собаку, попыталась подняться, но упала вновь, пока не догадалась подхватить тяжелое платье руками и приподнять его.

Перед ней светлела арочная дверь, низкая, словно из сказки про Алису. Пытаясь прошмыгнуть в нее, Вера со всего размаху ударилась об косяк скулой. Она не замечала, как ее вело и качало. Искры фонтаном посыпалась из глаз.

Обнаружив себя лежащей на каменном полу, она заставила себя подняться. Лай собак оглушал, страшные пасти мелькали перед глазами, рвали платье. Преодолев ползком метр, она угодила руками в расщелину между полом и решеткой, что-то вроде отдушины или старинного дренажного канала. Перед ней высилась резная металлическая ограда, а дальше – темные очертания парка Тюильри и огни Парижа в дымке. Кисти рук, увязшие в переплетениях металлических прутьев, никак было не вытащить. Сквозь наркотическое онемение пробивались пронизывающие спазмы боли, железо рвало кожу, едва она предпринимала попытку высвободиться. Удалось вытащить одну руку, вторая застряла на-

мертво. Пинчеры лязгали пастями прямо у ее глаз, до лица долетала их зловонная слюна. Наконец с кровью выдернув вторую руку, она вцепилась красными от крови пальцами в ограду.

К счастью, та оказалась совершенно не высокой. Подтянув себя, Вера встала ногами на край решетки дренажного канала и перелезла через торчавшие колья металлического ограждения. Слышно было, как с треском рвалась парча ее красивого, в стиле королевы Марго, платья. Сделав пару шагов, она рухнула в песок. Перед глазами распахнулось подсвеченное огнями города и покрытое облаками белесо-индиговое небо, тяжелым надгробным камнем нависла убегающая вдаль стена одного из крыльев Лувра.

Она была в Лувре!

Собаки продолжали наскакивать. Она перевернулась на колени, поднялась и помчалась прочь. Тяжелое платье и украшения давили к земле. Песок кончился, начался газон. Влажная трава приятно холодила горящие ступни. Впереди сияло, как Вифлеемская звезда, чертово колесо. Только бы добраться до него, найти кого-нибудь. Где Эмиль? Где его полицейская команда? Вокруг никого. Никого!

Она пыталась кричать, но выходило одно сипение.

Вдруг она заметила человека, отделившегося от куста и решительно идущего прямо к ней. В страхе Вера споткнулась и упала на четвереньки, – ей не пришло в голову, что это кто-то из своих. Она начала отползать, то поднимая глаза к завет-

ному колесу, то бросая взгляды за спину, на преследующую ее фигуру. Через минуту она уже бежала что есть мочи. Но куда бы ни поворачивала, фигура не отставала, оставалась в десяти шагах от нее. Она сводила с ума, казалось, ее преследует собственная тень или отошедшая от тела чья-то душа. Голову стискивал обруч, дважды она пыталась его снять, но фигура начинала приближаться, приходилось вновь бежать...

В конце концов, человек ее настиг. Она увидела, что у того вместо лица тряпичная маска. Он безэмоционально схватил ее за ногу, подтянул к себе, оседлал и сжал коленями. Вера сипло кричала, отбивалась, но тот нетерпеливо шикнул.

– Я сниму реквизит. И вызову вам такси, – глухо проронил он и принялся откручивать с помощью отвертки обруч на голове. Потом снял с рук браслеты, перевернул на живот и долго возился с винтиками на корсете.

Вера покорно ожидала, надеясь, что все скоро закончится. Но тут он стал рвать на ней платье...

Глава 1. Интервью

Сияло солнце, по брусчатке ползли длинные тени от зданий. Вера поставила телефон на широкий выступ стены пятиэтажного каменного османовского¹ дома с высоким цокольным этажом и мансардной крышей, включила фронтальную камеру и отошла на несколько шагов, подняв зачарованный взгляд к небу. Стена местами залита многолетними парижскими дождями, камень выцвел за полтора века, приобретя оттенок, теряющийся между охрой, серым и персиковым. Весь цокольный этаж занимали разноцветные лавки и кофейни.

Она покружилась вокруг своей оси, сделала неуверенный шаг влево, покачнулась, рисуясь черными ботинками, из-под которых выглядывали желтые носочки, крутанулась еще, заставляя белое платье в мелкий цветочек играть мягкими волнами, поправила воротник черной косухи, кокетливо заложила прядку русых волос до плеч за ухо. И, прикусив губу, отправила камере томный взгляд. Узкая улица была почти пуста в ранний утренний час, только пронесся на велосипеде парень в галстуке и черном деловом костюме да на углу на картонке спал бомж.

¹ Имеются в виду дома, построенные во время градостроительных работ, произошедших в Париже в период Второй империи под руководством барона Османа.

Вволю покрутившись перед камерой, Вера вернулась к телефону, нажала на красную кнопку «конец записи» и тут же с ярым энтузиазмом, присущим всем блогерам, принялась за оформление сторис.

Эх, черт, в кадр попал угол ее черного неказистого чемодана, — на новый жалко денег, — а наклейки на нем не держались, чтобы скрыть потрепанный вид. Да и мусор вдоль тротуаров несколько снижал планку «романтического» Парижа. Воспользоваться фильтром? Тогда цвет платья потускнеет, а ее золотистые волосы сольются с белизной кожи. Вера нахмурила лоб и подписала: «Париж без фильтров. Утро среды какого-то там сентября. В этом городе, где праздник всегда с тобой, не знаешь точно, который сейчас день, который год. Может, это шестидесятые? А может, и ревушие двадцатые? А что за погода! В Питере дожди и ледяной ветер, а здесь все еще лето и ни одного желтого листочка на деревьях». Текста оказалось слишком много, зато за ним можно спрятать неприглядный чемодан и часть мусора. Довольная собой, Вера нажала «отправить» и повернула за угол на улицу Л'Эшикье, где располагалось бюро сыскного агентства Эмиля Герши — частного сыщика, пригласившего ее в качестве специалиста по детской психологии.

Вера отучилась в Санкт-Петербургском государственном университете, окончила кучу курсов по семейному консультированию и год проработала детским психологом.

Но рутина быстро наскучила. В эпоху возможностей раз-

бегались глаза.

Упаковав все свои корочки, Вера решила расширять аудиторию в блоге лайфстайлом². Пока училась, вела блог по французскому языку, но забросила его после получения диплома. Сколько Вера себя помнила, ее всегда швыряло от увлечения к увлечению. От гимнастики до пианино в детстве, от написания стихов до скетчинга в юности. Каждое хобби она все же доводила до довольно хорошего результата под пристальным взглядом любимой бабушки. Но чем старше становилась, тем труднее было себя найти...

До поездки ее занимала фотография урбанистических пейзажей Питера, старых парадных, заброшенных усадеб. Полгода она прожила на съемной квартире Старого фонда, превратив помещения с обсыпавшейся лепниной и пересушенным паркетом в маленький рай хипстера, собрав в ней немыслимое количество вещей и вещичек с уделки и украсив огромным количеством комнатных растений. Однако кризис идентичности настиг и в питерском раю – она вернулась к родителям, где ее накрыло черной депрессией.

Но жизнь растасовывает метафорические карты по-своему. Вера и думать не могла, что ее блог с десятью тысячами подписчиками заметят во Франции! Да еще в сыском агентстве с импозантным основателем, загадочным, как Декстер или тот кудрявый красавчик из «Ганнибала», который все

² Съемка простых жизненных моментов: бытовые истории и искренние эмоции.

время терзался видениями.

Предвкушая интересное приключение, она остановилась на углу улиц Л'Эшикье и Фобур-Пуассоньер, рядом с кафе-терием «Ботеко» и позвонила в домофон, нажав на кнопку под фамилией «Герши». По телу пробежала дрожь. Дороги назад нет. Работа хорошо оплачивалась, хоть виза была почему-то туристической, а авиабилет ей и вовсе прислали не по имейлу даже, а в черном в золотую крапинку конверте. В нем же лежала зарплата на полгода вперед наличными. Да и почему им пришло в голову приглашать психолога из России? Может, так дешевле? Все выглядело довольно подозрительно.

Но!

Вера ни за что не согласилась бы все бросить и полететь во Францию, если бы не знала Эмиля Герши по многочисленным статьям. А иные были точно комикс с продолжением. Про агентство писали во многих французских интернет-изданиях, на которые она была подписана, чтобы не забыть язык.

Сын богатых виноделов открыл сыскное агентство, занимаясь также созданием профилей на основе метапрограмм для разных коммерческих компаний и для HR-менеджеров и анализом цифрового контента. Он играл в таинственную личность и никогда не попадался папарацци. На фото всегда оставался лишь его черный силуэт в капюшоне, как у Бэнк-

си³, или в гоночном костюме со шлемом. Он был что-то вроде Тинтина, только вместо пса – мотоцикл. Злые газетчики, которые не могли поймать лицо сыщика, старались выставить его в самом неприглядном свете. Но среди множества потешных неудач, о которых более всего любили сообщать «Ле Монд» и коммунистическая «Юманите», были и победы – в прошлом году он отыскал у кого-то в подвале потерянное в Первую мировую войну полотно Брейгеля, а еще раньше вычислил психиатра, который заставлял одиноких пожилых пациентов переписывать на себя все имущество. Оба эти дела были довольно громкими.

Домофон зашуршал. По ту сторону аппарата что-то невнятно пробурчали. Вера ощутила еще большую дрожь – а вдруг она не сможет понять акцент своего патрона? Вроде язык не забылся, в аэропорту и по дороге сюда ее все прекрасно понимали и, кажется (нет, совершенно точно!), принимали за француженку. Замок в двери парадной щелкнул – оставалось подняться на второй этаж.

Тяжелую дубовую дверь апартаментов-офиса ей открыл улыбающийся светловолосый кудрявый дядечка в сером, отливающим сталью деловом костюме без галстука, протянул руку и назвался... месье Герши.

Сердце Веры упало вместе с улыбкой. Она-то размечталась, надеясь встретить Декстера или хотя бы Голдберга из

³ Анонимный английский художник стрит-арта. Настоящее имя и происхождение неизвестны, вокруг его биографии в обществе ведется много споров.

сериала «Ты». А тут... какой-то Пьер Ришар или Дэни Бун под полтинник, от которого за километр пахло дорогим парфюмом и дешевой французской комедией с рейтингом около пяти. Он не выглядел, как секретарь... Неужели это и есть знаменитый Эмиль Герши? Чертовы газеты! Силуэт в черном, мотоцикл – все это было только ради хайпа?

Месье Герши в присутствии русской девушки принялся страшно смущаться, размахивал руками, кривлялся, как Луи де Фюнес, говорил очень быстро, заставляя Веру напрягаться изо всех сил, чтобы ухватить хоть пару-тройку слов из предложения и понять, о чем речь. Он подлетел к объемному резному столу по виду века восемнадцатого, заваленному бумагами, стал что-то искать и на время умолк.

Вера наконец перевела дух и огляделась. Ее провели узким коридором, как в фильме Бертолуччи с Евой Грин, в просторный кабинет-эркер в три окна, с дверью на балкон. Бежевые обои и белая лепнина, светло-зеленые креслица, репродукции импрессионистов на стенах. Торшер у стола, выкрашенные в белый батареи. И, конечно же, резной балкончик с кованым ограждением. Вид из окон был на перспективу улицы Фобур-Пуассоньер, такую типично парижскую, что сердце Веры вновь воспряло и забилось быстрее. Ах, город мечты! Как такое возможно, что она будет здесь жить?

– Вот, наконец, нашел, – прервал ее месье Герши. – Но отправиться нужно немедленно. Прямо сейчас. Иначе все, беда.

Вера с трудом оторвала взгляд от бесконечной волны черепиц, труб и шапок зеленых платанов.

– Прямо сейчас? – Она невольно посмотрела на свой чемодан, который укоризненно выпростал длинную ручку, будто сообщая: я все еще здесь. – Я ведь только с самолета...

– Все понимаю, но время не ждет. Именно сейчас социальный работник готов пойти с нами на контакт.

Вера захлопала глазами, совершенно ничего не понимая.

– Ну я же объяснил! – развел руками француз. В глазах недоумение, а на губах эта странная, дурацкая улыбочка во все тридцать два отбеленных зуба. Он сунул ей в руки пластмассовую зеленую папку. – Мальчика нужно допросить, соцработник согласился быть в школе в девять утра. Уже без десяти. Я вызову вам такси. – Он спохватился, достал из кармана брюк четвертый айфон, щурясь и отводя экран подальше, как при дальновзоркости, стал тыкать в него пальцами.

Буквально через несколько минут в открытые окна влетел свист шин о брусчатку – за рулем подлетевшей машины был как минимум Сами Насери, не иначе, подумалось ошарашенной Вере, которой пришлось подхватить чемодан и вслед за месье Герши бежать обратно ко входной двери по узкому г-образному коридору.

– Не забудьте: лицей Генриха IV, – прокричал он, едва не выталкивая Веру на лестничную площадку. – А впрочем, таксист знает, куда везти, я указал локацию в приложении.

Дверь захлопнулась.

Вера усталилась на свои ноги и кафельный пол с зелеными, черными и кремовыми квадратиками. Ее мозг стал усиленно работать, выхватывая смысл из всего того, что говорил этот высокий блондин в сером костюме. Впрочем, ботинок у него было два, и оба не черные, не коричневые, а желтые. Больше всего расстроило, что ее ожидания насчет начальника были явно завышены.

Сидя в новеньком «Мерседес-Бенц» – в Париже такси сплошь иномарки с шапочкой-индикатором «Такси Пари-зъен» – она просматривала фотографии, распечатки документов и ничего не понимала. Тьерри Роллен – так звали ученика четырнадцати лет, которого она должна была опросить. Но о чем? Что с ним произошло? Что он сделал? Или это невинная жертва какого-то зловещего преступления?

Вдруг вспомнилась статья из прошлогоднего сентябрьского выпуска «Юманите» – случай, в котором фигурировал лицей Генриха IV. Пропал ученик, что-то связанное с черной магией, сатанизмом: то ли мальчик увлекался древними артефактами, то ли его похитили духи Лувра. Второе, конечно, вряд ли, но кто знает. На ум не к месту пришел фильм про зомби в Париже. Вера пожалала плечами. Жалкая, как муха, мысль о том, что за окошком такси сейчас проносится утренний Париж – восхитительный, подернутый рассветной дымкой, прожужжала над ухом и умолкла. Работа не ждет! Она снова опустила глаза к папке.

Итак, в начале сентября прошлого года при странных об-

стоятельствах пропал ученик из знаменитого лицея Генриха IV. Мальчишка увлекался черной магией в компании трех таких же желторотых романтиков. В газетах кричали о похищении членами сатанинской секты. Но ничего конкретного – полиция держала дело в стороне от журналистов. В августе этого года похищен второй ребенок. Прикреплены табели с оценками. Первый мальчик – круглый отличник, двое других имели весьма средние для сего лицея результаты. Почтенное старинное заведение славилось тем, что принимало учеников лишь по способностям, поэтому в его стенах можно было встретить детей не только из богатых семей, но и из не слишком благополучных и даже из семей беженцев.

Взгляд Веры, листавшей досье, задержался на фотографии комнаты первого из пропавших, отличника. Стены сплошь увешаны изображениями перевернутых пентаграмм, рогатых существ, клыкастых и хвостатых демонов.

Она уронила руки.

– Ну о чем я должна, по-вашему, спрашивать? – всхлипнула Вера по-русски, судорожно листая бумаги. Дело требовало двух или трех часов внимательного изучения! Таксист не услышал ее отчаянного вопля, по крайней мере, он и ухом не повел. Мишина остановилась у высокого готического здания церкви Сент-Этьен-дю-Мон. Вера улыбнулась, вспомнив, как незадачливый герой фильма Вуди Аллена перенесся во времена Фицджеральда и Хемингуэя со ступеней этой

каменной красавицы⁴. Но таксист, увидев, что пассажирка прилипла носом к окну с другой стороны машины, окликнул ее и показал на противоположное окошко большим пальцем – мол, вам сюда. Вера отстегнула по счетчику целых восемь евро (это за пару-то кварталов?!) и вышла на тротуар.

Налево пойдешь – появится возможность провалиться во временную щель и повстречать автора «Великого Гэтсби», направо – старый лицей из «Бума»⁵. И слуги дьявола, сатанисты. А может, масоны!

Перейдя дорогу, Вера зажала папку под мышкой, крепко держа ручку чемодана, который неистово грохотал колесиками по старинной брусчатке, и устремила к трехэтажному охрового цвета зданию с ярко-алой дверью, над которой большими буквами сообщалось, что здесь расположен Лицей Генриха IV. Хм, только цвет двери не зеленый больше... В «Буме» был зеленый.

Среди бумаг Вера отыскивала разрешение на беседу с Тьерри Ролленом, выданное ювенальным судьей агентству Эмиля Герши. Ее проводили через небольшой, аккуратный дворик, усаженный кустами, в центре которого высилась пара каменных скульптур, через галерею, мимо круглой лестницы (привет, «Бум», надо бы пересмотреть) в пустующую после завтрака столовую. Переступив порог, Вера едва не ахнула – деревянные панели, старинные потемневшие зеркала, высо-

⁴ Имеется в виду фильм «Полночь в Париже».

⁵ Фильм Клода Пиното 1980 года с Софи Марсо в главной роли.

кий потолок с богатой лепниной и... неуютные лампы дневного света. Это была знаменитая кунсткамера, принадлежавшая ранее аббатству Святой Женевиевы. Вера видела фотографии хранившихся здесь антикварных редкостей. Коллекцию убрали, теперь в этих стенах стояли три ряда обеденных столов, а чуть дальше прилавки с еще пустыми подносами.

Мальчишка сидел в центре – лохматые, пшеничные с рыжинкой волосы, недовольное выражение лица, подпертая рукой щека и неизменный смартфон, в который он вперил немигающий взгляд. Этаким осовремененный герой из фильмов Трюффо⁶, вроде «400 ударов» или «Антуан и Колетт». Через ряд за соседним столом – точнее, поверх него – восседал соцработник. Волосы черными иглами торчали в стороны, в ушах черные серьги-тоннели, облачен в мятый деловой костюм, под пиджаком футболка с изображением какой-то анимешной каракули. Закинув лодыжку на колено, он скролил ленту одной из соцсетей и даже головы не поднял.

Ни тот, ни другой и не пошевелились, ни когда она, слегка покашляв, сделала пару шагов и поздоровалась, ни даже когда долго и с комическим шумом заталкивала чемодан между столов – от деревянных панелей отскакивало приличное эхо. Сидели в телефонах, как зомби.

Справившись с чемоданом, Вера решилась.

– Здравствуйте, – еще раз проронила она по-французски

⁶ Франсуа Трюффо – французский режиссер новой волны.

и кашлянула. Ноль внимания, кило презрения.

Какая невежливость, в конце концов! Вера почувствовала поднимающееся из глубины пустого желудка недовольство. Ела она последний раз в самолете: сухой сэндвич и крошечный стаканчик кофе можно и не считать за завтрак. Поджав губы, она подхватила за спинку стул и перенесла его к столу, за которым скучал мальчик.

– Привет, Антуан Дуанель, – сказала она, громко опустив перед ним папку.

Соцработник чуть дернул головой, недоуменно глянув на Веру из-под тяжелых темных век и упавшей на глаза челки. Ну неужели ее заметили! Парня, видимо, удивило обращение, прозвучавшее из уст незнакомки.

– Вы поклонник французской новой волны? – задала она вопрос в воздух.

Тот не ответил, вновь опустив глаза к экрану.

Мальчишка же нахмурился еще больше, отодвинувшись от Веры, как от уличной кошки, просящей кусок колбасы, и продолжил тыкать пальцем в телефон. Вера вытянула шею. Где он там сидит? Тик-ток? Википедия?! Краем глаза она успела зацепить, что недоросль читает какую-то статью. Но он тотчас отгородился от нее локтем.

– Прости, я, кажется, неудачно пошутила. – Вера сцепила пальцы поверх бумаг.

– Да не, ниче, – отозвался мальчишка, как будто со вздохом облегчения. И вдруг добавил: – Я тоже люблю фильмы

Трюффо.

– Как неожиданно...

– В моем возрасте? – приподнял бровь мальчишка.

– Ну да, сейчас редко встретишь фаната новой волны, да и старых фильмов вообще. Что там нынче в моде? «Очень странные дела» или «Голодные игры»...

– Руки прочь от «Очень странных дел».

Вера подняла ладони, словно говоря, что не осуждает вкусы мальчика.

– Меня зовут Вера Максимова, можно Вера.

– Русская?

– Да, – смущенно покраснела девушка. Мальчишку это, казалось, расположило.

– А говоришь с парижским акцентом.

– Я читаю много газет и общаюсь на «Тандеме» только с парижанами. Всю свою сознательную жизнь хотела сюда переехать! – Вера позволила себе мечтательную улыбку и даже опустила подбородок на кулачок. – Моя бабушка – преподаватель французского, мама – тоже, иногда я даю уроки французского в прямых эфирах Инстаграма. Даже выпустила пару гайдов для начинающих.

Она тотчас выпрямилась, поняв, что говорит лишнее.

– Слушай, я прилетела только сегодня утром и позавтракать не успела, голова совершенно не соображает. Может, введешь меня в курс дела? Ничего вообще не успела понять, даже прочесть все эти бумаги не было времени.

– Ну, меня зовут Тьерри Роллен. И я последний, за кем должен прийти... он.

– Кто «он»? – Вера чуть поджала губы. Ей не понравилось, что мальчик состряпал загадочное выражение лица, а в глазах блеснуло детское: «Буду сейчас врать, много. Приготовьтесь!»

– Жан Живодер. Ты разве не знаешь легенды? Он же Красный человек, он же Призрак Тюильри... Ну конечно, откуда тебе знать, ты только что приехала!

– Впервые слышу. Расскажешь?

Он чуть нагнулся вперед и протянул через стол свой телефон. На экране был скриншот обложки какой-то книги.

– Это Доминик Леброн. Разные легенды города, про привидения и все такое. Он думал, что просто историческую сказку рассказал, хотя ведь собрал порядочно материала всякого. Но Жана Живодера можно вызвать!

– Э-э, вызвать? Как Пиковую Даму? – дернула уголок рта Вера.

– Что? – не понял французский мальчик.

– У нас в России обычно вызывают Пиковую Даму в летних лагерях, ночью. Собираются в круг, произносят дурацкие заклинания. А еще можно чертика-матерщинника вызвать.

Мальчишка откинулся на спинку стула с кислой миной и поцокал языком.

– Вовсе не дурацкие, нет. Я на барахолке купил страницы

из книги шестнадцатого века. По магии. По черной магии! Книга астролога Космы Рюжери. Ему Жан Живодер явился впервые, – и Тьерри поднял палец, точно был знатоком игры «Что? Где? Когда?».

– Неужели прямо шестнадцатого века? Ты делал экспертизу? – Вера успела не допустить на лице недоверчивой гримасы, сведя брови на переносице. Но Тьерри надулся.

– Антиквару лгать незачем. Он же тогда потеряет авторитет и всех своих клиентов. Если сказал – шестнадцатый, значит шестнадцатый. Кроме того, это ведь не книга, а только несколько страниц.

– А они все еще у тебя?

– Нет, конечно! Я их сжег. Выучил текст наизусть и сжег. Жан Живодер помогал Наполеону Бонапарту стать императором, но тот, когда перестал его слушать, тут же проиграл вам, то есть русским. Он говорил Наполеону: притормози, не ходи на Россию, потеряешь все. Но Бонапарт был непреклонен.

– Хм, черт. – Вера озадаченно качнула головой. – Я ничего такого в жизни не слышала. Ну, то есть, про Наполеона, конечно, знаю... Кто это вообще такой – Жан Живодер? Почему Живодер?

– Он работал на скотобойне.

– А как стал советником Наполеона? При чем тут шестнадцатый век?

– То есть ты совершенно ничего не слышала о Красном

человеке из сада Тюильри?

– Нет.

– А про Екатерину Медичи слышала?

– О, про нее много чего знаю – всего Дюма в детстве перечитала.

Тьерри хихикнул – непонятно, то ли в восхищении, то ли испытывая презрение.

– Королева приказала убить Живодера. Живодер – это кличка, но фамилия его никому не известна, кроме меня.

– Оу. – Вера понимающе свела брови, ощутив, как село желудок от голода. Ужасно хотелось кофе и воздушного круассана, а не вот это вот все! Но работа, ее новая работа в городе мечты – безжалостна с первых же минут. – А мне ты скажешь его настоящее имя?

– Нет, этого нельзя делать. Итак уже... порядочно мы натворили. Я теперь не знаю, где Стефан... Еще и Адриен пропал. Это ты потому приехала, что мой папа нанял детектива, а детектив нанял тебя, как детского психолога?

– Ух! Ты, оказывается, все знаешь.

– Я все знаю, – серьезно кивнул Тьерри. – Адриена и Стефана утащил дух этого Живодера. Мы его разозлили, пробурили, так сказать... С 1871 года он ушел в спячку, а теперь опять ходит по городу.

– Ходит по городу? Его кто-нибудь видел, кроме вас троих?

Тьерри недоуменно выкатил глаза.

– Постоянно! Ты же читаешь газеты?! Вижу, не веришь в такое.

– Нет, верю! Обожаю такие истории. Но почему королева приказала его убить?

– Он слишком много знал. Случайно подслушал разговор, которого слышать был не должен. Его скотобойня стояла на том месте, где потом возвели дворец Тюильри. Королева приказала графу де Невиль убить Жана Живодера. Тот всадил ему кинжал прямо в сердце. А потом стал мыть этот кинжал в большом чане, где отмокали орудия Жана, поворачивается и...

– И?

– И Жан стоит перед ним во весь рост, окровавленный с головы до ног. Кровь текла по его лицу, шее. Вся одежда была кроваво-алой. Ну как в фильмах Тарантино.

– Понятно. И что же... он убил графа де Невилья?

– Граф вновь замахнулся на него кинжалом. Но лезвие прошло сквозь воздух, а Жан превратился в красный туман. Граф не поверил своим глазам и решил, что ему мерещится. Он бросился на свет, в живодерню, но там никого не было. Говорят, за кровавыми кусками мяса прятались сыновья Жана, но граф их не заметил.

– Ох, слава богу. Ненавижу, когда в таких историях погибают дети.

Тьерри посмотрел на нее удрученно, поджал губы и сглотнул. Вера тотчас испытала укол совести, позабыв, что два его

товарища в опасности. Как и он сам, похоже. По крайней мере, мальчик вполне искренне считал, что вляпался в историю с восставшим из ада призраком. Призраки порой причиняют много хлопот, даже если учесть, что их не существует. Столько химер в нашей жизни мешают воспринимать жизнь такой, какая она есть. Да что мелочиться, вся наша жизнь – иллюзия!

– Он никого не нашел. Обежал все вокруг скотобойни. Никого. Жан исчез, не было даже его тупа. В слезах граф де Невиль бросился к королеве. Та только посмеялась. Как все сейчас смеются надо мной...

Тьерри опять поджал губы и отвернулся.

– Нет, нет, – поспешила заверить его Вера. – Только не я. Я верю тебе, правда, верю.

Тот ухмыльнулся, по-прежнему глядя в сторону.

– Все считают, что мы, как девчонки из Энфилда. Про Энфилдский полтергейст, я надеюсь, ты знаешь? Страшилка из 70-х.

– Да, там две сестренки морочили головы профессорам психиатрии, изображая левитацию, и говорили утробными голосами.

– Это называется чревовещанием.

– Вот-вот. Совсем недавно попадалось какое-то видео о них в Интернете.

– Все думают, что мы тоже притворщики.

– Что значит – тоже? – напряглась Вера, вдруг поняв, что

это вовсе не увеселительная беседа с чудаковатым подростком.

Возможно, за историями с призраками кроется тяжелая психологическая травма кого-то из них. Она внезапно осознала, что все очень серьезно, и на миг ее лицо омрачило темное облачко. Вера поспешила его согнать – нельзя терять связи с Тьерри, которую ей удалось наладить достаточно легко, почти с первого слова. Пусть он продолжает считать, что она на его стороне, сама совсем недавно была ребенком и верит в привидения. Ведь так можно забраться как можно глубже в подкорковые слои клиента и понять, что случилось на самом деле с ним и его однокашниками.

– Что значит – тоже? – повторила она, поскольку Тьерри продолжал сидеть насупившись.

– В полиции психологи, в школе. Никто мне не верит, что Адриена и Стефана уволок Живодер.

– Дай, я уточню, о ком ты. – Вера заглянула в бумаги. – Адриена Турно и Стефана Жаккара?

Он кивнул.

– Как это произошло? – тихо спросила она.

– На страницах книги астролога Екатерины Медичи, что я купил на блошином рынке в Сент-Уане, это за городом... но там классно, люблю гулять по узким улочкам с антикварными лавками, полными всякими интересными безделками. Напоминает Косой Переулок из Гарри Поттера, только большой... В общем, на этих страницах написано, как вызвать

Жана Живодера. Астролог Косма Рюжери вызывал его и заставлял помогать советами для Екатерины... Ну как будто он такой крутой астролог, а на самом деле просто у духа все спрашивал. Потом книга Рюжери попала Наполеону Бонапарту. Ты думаешь, как он – безызвестный, бедняк, корсиканец – стал императором Франции? Все это из-за Жана Живодера! Я стал обладателем этой тайны.

– И поделился ею со своими товарищами?

Тьерри опустил глаза и покраснел.

– Чтобы вызвать его дух, нужно было пойти на кладбище Пер-Лашез... ночью! Найти его могилу...

– У него есть могила?

– Есть, ведь он упокоился в 1871 году.

– Человек из шестнадцатого века?

Тьерри закатил глаза.

– Жан Живодер превратился в ангела ада, его забрали души, наделили силой. Астролог смог его вызвать и заставить себе служить. Теперь понятно? Потом его несколько раз вызывали другие люди, как джинна. Есть легенда, что ему подарили тело за какие-то заслуги. Он прожил простую жизнь до конца, умер как человек и был похоронен на Пер-Лашезе. Однако его сила пребывает с ним, и порой он является привидением в виде Красного человека в Тюильри. Его можно было вызвать, как обычно вызывают Вельзевула или Люцифера! Надо было найти его могилу и принести в жертву живое существо...

– Живое существо? – губы Веры похолодели, и она смяла кончиками пальцев уголок папки.

– Мы взяли кошку... Но эта тварь царапалась, кусалась и, в конце концов, вырвалась. – Глаза Тьерри заблестели слезами, голос задрожал, он с силой поджал губы, чтобы не заплакать. – Она дернула от нас, Стефан помчался за ней... И все... больше мы его не видели. Искали с Адриеном полночи, пока наши телефоны не разрядились... Надеялись, он домой пошел... Но на следующий день Стефан не явился в школу.

– Ты показал могилу Жана полиции? – Вопрос вырвался как-то сам собой, Вера прикусила язык, понимая, что сейчас спугнет мальчика.

– Нет, конечно! Ты что! Никто не должен знать!

– Ну мне хоть покажешь?

– Нет, – Тьерри кинул на нее укоризненный взгляд, – говорю, нельзя. Но все кладбище прочесала полиция, каждый сантиметр, так что нет надобности.

– Откуда ты знаешь! В полиции дураки не служат. Такая важная деталь наверняка дала бы какую-нибудь зацепку.

– Точно не дала бы, – упрямо мотнул головой Тьерри. – Только бы разгневали Живодера еще больше.

Вера откинулась на спинку стула. Вроде современный ребенок – в руке гаджет, пользуется им довольно умело. Почему верит в такую чушь? Кто ему внушил это?

Она постаралась спрятать недоверчивое выражение лица,

чтобы не вызвать у мальчика неприязни. Но и через силу делать вид, что разделяет с ним веру в привидения, получалось все хуже. Ситуацию спас звонок с урока, заставивший ее подпрыгнуть на стуле и схватиться за сердце. Тьерри тут же поднялся.

– У меня следующий – французский. Учитель не любит, когда опаздывают.

Он, не попрощавшись, направился к выходу из столовой.

– Советую бежать отсюда как можно скорее, – бросил он через плечо. – Иначе затянет в центр торнадо. После звонка наступает время, опасное для жизни.

Дверь распахнулась, и его поглотила толпа школьников, устремившихся к буфету, где уже расставляли подносы с сэндвичами.

Вера продиралась сквозь гомонящую толпу очень активных мальчиков и девочек, тащила за собой застревающий на всех порогах чемодан, ловя себя на мысли, что французские школы (да еще такого порядка!) ничем не отличаются от любой другой в России. Те же перемены, тот же квест – добыть еды и съесть ее за пять минут, успев при этом обсудить все новости на свете. Или сколько здесь отведено на перекус?

Она вышла во внутренний квадратный дворик со статуями святых в центре и устремилась к холлу, который неизбежно придется пересечь, чтобы выйти на улицу. Алая дверь была распахнута, туда-сюда шныряли дети, одетые в очень яркие вещи – формы в лице не было никакой. Перетащив

чемодан через очередной порог, она поплелась – усталая, голодная и с пустой головой – в сторону Пантеона, не особенно понимая, куда идет и что будет делать. Она даже телефон не вынула, чтобы снять очередную сторис, хотя находилась в одном из исторических районов Парижа.

– Эй, – слышалось позади. Вера не придавала значения, решив, что кто-то в толпе школьников окликает товарища.

Ее обогнал соцработник в черном костюме и анимешной футболке. Только теперь она разглядела иллюстрацию из «Тетради смерти» на груди, надпись «Death Note» и цветное изображение сидящего на корточках персонажа по имени Эл. Ему сколько лет. Двенадцать?

На вид не больше двадцати пяти: тощий, длинный, прическа иглами в подражание кей-поп звездам, на плече тяжелый рюкзак мешком. Он провел рукой по челке, убрав ее с глаз. Там, в столовой, под искусственным освещением его лицо казалось напудренным до мертвенной бледности, а глаза, утопающие в глубоких провалах, – подведенными тенями. На свету тени поблекли, выдав человека, которому не мешало бы выспаться и поесть.

– Эмиль Герши, – он протянул руку для знакомства.

Ошарашенная Вера встала столбом на углу массивного Пантеона и захлопала глазами. Эмиль тоже остановился, неловко улыбаясь. Она почувствовала себя обманутой. Тут новый начальник вдруг поднял руку выше, к ее шее и снял с воротника куртки нечто похожее на большую муху.

– Ваша беседа с подозреваемым была записана. Не терпится ее просмотреть на медленной скорости. Вы завтракали?

– Как эта штука оказалась на мне?

– Я велел Юберу прикрепить ее к вашей одежде.

– Юберу? Но вы... что же... – Вера в недоумении открывала и закрывала рот, невольно вспомнив кудрявого дядечку с внешностью Пьера Ришара, – просто вот так мной воспользовались?

– Это было ваше испытание. И вы его прошли. К тому же убили двух зайцев. Показали, что прекрасно ладите с детьми – разговорили этого скользкого спиногрыза. А еще добыли запись. Теперь нам будет проще узнать, что он скрывает.

Вера смягчилась.

– Идемте. – Эмиль зажмурился, как довольный кот, и указал куда-то против солнца. – Я знаю здесь рядом тихое место, где нам никто не помешает позавтракать и просмотреть отснятый материал. Вы позволите?

И галантно – это движение совершенно не вязалось с его видом не взрослеющего тинейджера-гота – указал на чемодан.

Глава 2. Зоя

Уютное кафе «Le Comptoir du Pantheon» со столиками прямо на тротуаре под красной маркизой манило запахами кофе и свежей выпечки. Вера, мечтающая о круассане уже несколько часов подряд, отодвинула от круглого стола стул в красно-белую клетку. Ее новый начальник махнул рукой.

– Нет-нет, здесь мы ничего не сможем увидеть на экране в такой солнечный день.

Эмиль Герши пропустил Веру вперед, последовав за ней, грохоча колесиками чемодана. Пока она разглядывала полукруглую барную стойку из отполированного дерева и целую стену бутылок за ней, он выбрал маленький столик с диваном под портретом какого-то австрийского принца в напудренном парике. Интерьер здесь был каким-то плавным, закругленным: на стенах висели черно-белые виды Парижа вперемежку с портретами эпохи рококо, аккуратные полочки с книгами, с потолков свисали причудливые люстры, напоминающие пауков, у которых лапки оканчивались желтыми шарами.

Пристроив чемодан к стене, Эмиль тотчас вынул из рюкзака ноутбук с клубком проводов и распахнул его. После нажатия кнопки «пуск» ноутбук свирепо загудел, точно собиравшись истребителем взмыть в воздух. Видимо, для просмотра отснятых материалов ему требовался мощный процессор,

или же он просто любитель компьютерных игр, о чем сообщали запавшие глаза и нездоровый цвет лица. Волосы он периодически убирал со лба и в эти мгновения еще больше походил на зомби. Все-таки сколько ему лет?

– Вы на Юбера не обижайтесь, – проговорил Эмиль, пока грузился компьютер, – он действовал по моей указке.

– Но я совсем не знала, что спрашивать Тьерри...

– Это было не главным. Нам нужно было немного сбить с толку мальчишку новыми обстоятельствами допроса, чтобы посмотреть, где он станет противоречить себе и путаться. Добиться своего рода хоторнского эффекта, когда вводят новизну, чтобы получить более благоприятный исход исследования.

Вера следила, как его длинные, худые и жилистые кисти рук плавно скользят вокруг раскрытого ноутбука: он расправлял провода, укладывал блок питания, переносной жесткий диск, подключил похожую на клипс камеру. Через пару мгновений на столе воцарился офисный порядок: все провода ровно скручены и убраны за экран, приборы лежат параллельно друг другу.

Какой аккуратист! Невольно Вере подумалось о некой степени обсессивно-компульсивного расстройства. Он наклонился к экрану, и стоящая торчком от лака челка вновь упала ему на лоб. Похож на детектива Эла из «Тетради смерти», который как раз был изображен на его футболке. Он что, под него косит?

Подошел официант. Вера неуверенно взяла меню, но тот пришел на помощь, заявив, что нет ничего вкуснее с утра, чем Крок-мадам, и что в их бистро готовят лучший Крок-мадам в Париже. Едва раскрывшая меню Вера захлопнула его и с улыбкой протянула официанту.

– С удовольствием попробую. Спасибо. Ах да, и капучино, пожалуйста.

– Черный кофе. Чем больше, тем лучше, – не поднимая головы, проговорил Эмиль Герши, уставившись в экран, на котором уже появилось изображение Тьерри. Он приложил к уху один из больших наушников и прокручивал видео вперед и назад, останавливал его, гипнотизировал перекошенное лицо ребенка, как это бывает, когда видео останавливают в самый неподходящий момент.

Вера сидела за столом, не зная, чем себя занять. Она напрочь позабыла про свой телефон и о том, что неплохо бы сделать небольшой видеобзор первого парижского бистро, которое она посетила. Но вместо того, чтобы носиться с камерой по тесным залам, она гладила свои коленки и пялилась через окно на кончик Эйфелевой башни, выглядывающий из-под полотна крыш, ощущая, что ее затягивает в удивительное, совершенно немыслимое приключение, из тех, что случаются только в кино.

Париж! Париж!!

За столиком у окна сидели две очаровательные дамы, которых назвать пожилыми язык бы не повернулся. Одна со

светлым каре, в черных очках и модной теперь косухе, подперла пальцами подбородок, внимательно слушая свою собеседницу в красном берете, надетом поверх седых коротких волос, а из-под ее коричневого кардигана выглядывал ворот рубашки цвета индиго. Что-то увлеченно рассказывая, она крутила в пальцах край шейного платка и поглядывала на одиноко читавшего газету меье в твидовом костюме за столиком рядом.

– Крок-мадам, – произнесла Вера машинально, пытаясь осознать все, что с ней происходит. – Крок-мадам... Понятия не имею, что это такое. Но название кажется знакомым... При чем несет от него чем-то... Будто это блюдо, изобретенное Ганнибалом Лектером.

– «Американская история ужасов», второй сезон. – Герши на секунду оторвал взгляд от ноутбука и криво улыбнулся. – Крок-мадам готовил маньяк, похитивший журналистку.

– Любите смотреть сериалы?

– А кто их сейчас не смотрит, – пожал плечом ее начальник.

На его лице появилась очень странная, почти дурацкая улыбка, будто он задумал пошлость, но решил промолчать. Улыбка исчезла, он быстро-быстро прокручивал видео вперед и назад, так что Тьерри на экране поднимал и опускал брови. Что он делает? Зачем ему это нужно?

На их столике по одну и другую сторону от аппаратуры появились чашка с пенным кофе и яичница на тосте, а по

другую – хайбол, в который доверху был налит крепкий черный кофе.

Вера перевела взгляд на свой тост с двумя желтками и разочарованно взялась за нож и вилку. Но уже через две минуты от Крок-мадам ничего не осталось. Она подняла чашку и, поднеся к носу, блаженно вдохнула, прежде чем сделать глоток. Горячий напиток прокатился по горлу живительным нектаром, и Вера не удержалась от протяжного стога. В эту минуту набежала тучка, и свет, льющийся из окна, потускнел. Ей показалось, что темнеет в глазах от слишком неприличного удовольствия – первого глотка за сегодня, выпитого далеко за полдень. Первого глотка кофе в ее первый день в Париже.

– Итак, вы меня просветите насчет дела, над которым мы будем работать? – почувствовав бодрость, Вера поставила чашку на блюдце, решительно придвинулась к своему начальнику и тоже стала смотреть на Тьерри, кривящего рожицы.

В дверном проеме мелькнула черная тень.

– Я не вовремя? – Тень остановилась у их столика. Это была невысокая, ладная девушка в черном: водолазке с длинными, закрывающими середину пальцев, рукавами, короткой юбке, плотных колготках и ботинках с шипами.

– Привет, Зоя, – махнул ей Герши, не поднимая головы. – Садись.

И продолжил играть клавишами, заставляя Тьерри кор-

чить рожи.

Повисла неловкая пауза. Зоя – было в ней нечто готически-вампирское, можно сказать, даже сатанинское, если бы не ангельское личико и большие печальные глаза – мягким кошачьим движением сняла с плеча черную сумочку с длинной цепью и, положив ее на столик, села рядом с Верой. Та машинально утерла губы, перепачканные в кофейной пене, и сдвинулась в сторону.

– Я сестра Эмиля. – Зоя разомкнула густо накрашенные красным губы, блеснув ровным рядом белоснежных зубов. Томная и нежная, с длинными черными локонами, гибкими пальчиками – на каждом по тонкому, изящному кольцу, ноготки покрыты черным лаком. Вера бросила взгляд на ее кулон вороненого серебра, изображающий змею, которая кусает свой хвост. По Юнгу, это был символ саморазрушения.

– Это Зоя. – Герши оторвался от экрана и выпрямился. – Искусствовед, гид по Парижу, выпускница Школы Лувра, наш медиум. Вера Максимова, психолог из Санкт-Петербурга.

– Салю, дорогая. – Зоя коснулась щекой ее щеки. В нос Веры ударил приятный аромат парфюма – что-то пряное, индийское, но с нотками мандаринового масла, флердоранжа и сандала.

Она улыбнулась, ее черные брови сложились в умильный домик. На миг Вере показалось, что перед ней механическая кукла «Монстр Хай» в человеческий рост.

– На самом деле я вовсе не медиум. Это сейчас называется иначе. Я занимаюсь кадровым профайлингом – помогаю подобрать персонал, исследуя анкеты претендентов на должности. Эмиль – хороший спец. А мне интересно поучаствовать. Изучать искусство – значит, изучать и сущность человеческой природы, сущность бытия.

Улыбка у Зои была едва заметная, взгляд из-под ресниц скользил куда-то вниз и вбок, будто она обращалась к монитору ноутбука. Но на слове «бытия» она обратила темные, увлажненные глаза на Веру.

– Простите, у меня минус восемь и линзы новые, никак не привыкну, – она смахнула слезу с длинных ресниц. Радужки ее глаз казались большими и черными из-за линз, сливались со зрачками и делали ее похожей на инопланетянку. Узкий подбородок, высокий лоб, бледные скулы, обрамленные черными волосами, и эти кроваво-красные пухлые губы – она будто прилетела с Марса.

– Итак, я закончил, твоя очередь. – Эмиль снял наушники и передал сестре. Чуть приподняв провода, он сдвинул тяжелой ноутбук в ее сторону.

– Что, врет мальчишка? – слабо улыбнулась она и, не ожидая ответа, надела наушники, склонившись к экрану. Близоруко сощурила глаза и нажала на «плей».

В отличие от своего брата, она не заставляла мальчика на видео кривляться, гоняя видео вперед-назад. Тихо, неподвижно и почти не дыша, она смотрела так, будто хотела за-

печатлеть в голове каждую наносекунду. Тонкими пальцами крутила провод наушника, завивая его в кольцо, расплетая и завивая вновь.

Эмиль скрестил на груди руки и откинулся на спинку диванчика, смотря в окно. Вера украдкой следила за его неподвижным, как у сестры, профилем. Они были похожи лишь отдаленно. Эмиль – тощий, лохматый и угловатый, сидел, скруглив спину, наклонив подбородок к груди. Зоя – гладкая, округлая, как кошечка, и, несмотря на то, что сидела прямо, едва доставала ему до плеча. Оба одеты в черное, со смольянными волосами – причем это не был их естественный цвет. Неужели ходили в салон вместе? Оттенок идентичный. Или красили друг друга? Прямо у себя в квартире, где-нибудь на мансардном этаже...

Вера вспомнила «Мечтателей» Бертоллуччи, захламленную, типично парижскую квартиру, похожую на лавку на блошином рынке, в кухне которой сто лет не мыли посуду, с окнами на крыши города, такую же, как Зоя, темноволосую Еву Грин. Эх, поколение Нетфликс! Мы мыслим кинематографическими клише, образами персонажей, режиссерскими идеями... Постмодернизм не закончился, он пронизывает нас острой стрелой, убегаящей куда-то в будущее.

Наконец Зоя отодвинулась от экрана, сняла наушники, медленно и протяжно вздохнув, будто пробуждающаяся от вечного сна ацтекская статуя, и откинулась на спинку дивана. Руки ее легли на колени, она пальцами провела по кожа-

ным складкам юбки и капрону колготок.

Эмиль повернул к ней голову и выпрямился. Вере, сидящей между ними, пришлось откинуться назад, чтобы не мешать беседе.

– Мальчик не чист, – после долгой паузы проговорила Зоя с неохотой. – Но боится.

– Я того же мнения, – жарко начал Эмиль, тотчас раскрыв свою истинную сущность классического холерика: огонь в глазах, вспыхнувший лихорадочный румянец, пальцы впились в мышку. Он принялся отматывать видео назад. – Классический утаиватель – истинным чувствам проявляться не позволяет.

– Мать – актриса, – согласилась Зоя. – Могла привить такой паттерн.

– И все же истинные чувства раз вылезли! Вот... Вера проронила, что не любит, когда погибают дети. А он, смотри! – Эмиль проиграл кусочек видео в замедленном режиме. – Брови сведены и приподняты, в глазах – напряжение. И это длится всего секунду. Рот сначала в напряжении открыт, а потом он быстро поджимает губы.

Зоя изучающе глядела на экран, но ничего не говорила.

– А вот насчет книги по алхимии, купленной у какого-то лавочника, и того, что ему интересен Живодер, – врет и не краснеет. Он сам не верит ни грамма в эту легенду! – продолжил Эмиль.

– В одном из кадров четко видно, что на экране его смарт-

фона Геншин Импакт⁷, – Зоя свела брови. – Он любит аниме, хотя в школе это скрывает.

– Значит, ему до лампочки Средневековье.

– Думаю, да. Но не кладбища. Приглядишься, какой персонаж у него светится на экране.

– Ху Тао – гробовщица. С какой же целью он потащил паванов на кладбище? Решил поиграться? Или двое принесли в жертву Стефана? А потом этот решил избавиться и от Адриена?

Вера ощутила, как при этих словах похолодела кровь.

– Он заинтересован, но не в легенде, – ответила Зоя. – Не в этой конкретно.

– Принесение в жертву отпадает? – напирал Эмиль.

– А может, я ошибаюсь. Он напуган, но прикрывает страх какой-то... иронией. Так шутить детям не свойственно. – Зоя замолчала, нахмутив лоб и поведя подбородком в сторону. – Тут будто одна страшная история наслочилась на другую, не менее страшную. Вижу смазано, чувствую страсть... Но к чему? К смерти? Жажда испытать этот опыт? Опыт убийцы.

– Тварь ли я дрожащая, – подхватил Эмиль.

Зоя закусил губу и дважды качнула головой в знак согласия. Эмиль перевел взгляд на Веру.

– Просмотрите видео. Или вам достаточно встречи тет-а-

⁷ *Геншин Импакт* – популярная компьютерная игра в жанре ARPG с открытым миром от китайской студии «miHoYo».

тет.

Эмиль задал вопрос, как бы не задавая вопроса. Это несколько сбило Веру с толку, и она не сразу сообразила, что от нее требуется. Но ей ужасно хотелось знать, какими методами он пользуется для определения лжи. Ей были известны некоторые техники из НЛП, ну и те, о которых писали Пол Экман и Клаус Шерер, опираясь на Карла-Германа Хьортсо, Роберта Плутчика, Роберта Сапольски и Сальвана Томкинса⁸.

– Да, я бы глянула, – выдавила Вера, вспомнив, что она психолог и от нее, скорее всего, тоже потребуют составить профиль Тьерри.

Зоя поднялась.

– Я пройду. – Она стянула готическую сумочку со стола, и цепь громко звякнула. – Мне надо подумать. Этот юноша... у него глаза нехорошие, как у Ван Гога на автопортрете. Напуган... очень боится, врет и боится. Но чего?

– Думаешь, мелкий – сумасшедший.

– Я не могу давать такие вердикты, это прерогатива твоего нового сотрудника. – Зоя обошла столик, глядя на дверь, будто на разбитый шлюз самолета, в который надо быстро выскочить, чтобы спасти себе жизнь.

Эмиль нахмурился, чуть слышно хмыкнув. Вера почувствовала тонкий дымок ревности, исходящий от его убегающей сестры. Он очень быстро – почти тотчас же – догадался,

⁸ Исследователи эмоций и психологии поведения.

что она не особенно рада появлению «нового сотрудника». Он ее чувствовал, как самого себя. Они наверняка близнецы.

Наблюдая за безмолвным диалогом брата и сестры, Вера обнаружила, что видео убежало вперед, наматывая секунды вхолостую. Пришлось кликнуть в начало.

Да, верно, Тьерри заигрывал с ней, плел какую-то чушь, хотя во время живой встречи казалось, что он достаточно искренен – как может быть искренен ребенок с незнакомым взрослым. Но Тьерри был уже довольно сформировавшейся личностью. Обычно в этом возрасте уже проявляются качества социопата, если таковые имеются. А этот ребенок явно был нарциссом и довольно умело скрывал это в разговоре. Значит, уже привык носить маски.

– Я бы побеседовала с его родителями. – Вера нажала на паузу. Тьерри на экране застыл с кривой улыбкой на губах и смущенным взглядом вправо. Обычно взгляд в правую сторону означает, что человек пытается сконструировать новые образы, подбирает правильные слова. Другими словами – лжет. Она перемотала вперед и опять поймала лицо Тьерри с обращенным вправо взглядом. Когда она нажала на «плей», зрачки скользнули вверх, а вслед за ними и уголок рта.

– Я вижу, вы понимаете, о чем именно я говорил, сказав о том, что он лжет. – Эмиль очень внимательно следил, на что Вера обращала внимание при просмотре.

– Да, мы проходили в университете манипуляции и НЛП. Вы говорили с его родителями?

– У него только мать. То есть... здесь, в городе.

– Ага, – приподняла бровь Вера. – Теплее.

– Почему «теплее»? – Эмиль невольно придвинулся. –

Считаете его социопатом.

Как он умудряется терять вопросительную интонацию? Странная манера. Нервничает?

– Рано делать такие выводы, но, когда отсутствует один из объектов триадных отношений, уже минус психике. Ребенок, выросший без одного значимого взрослого... Когда Тьерри был лишен отца?

– Он не вполне его лишен, отец появляется, но редко. Живет в Норвегии.

– Хорошо. Тогда я все же поговорила бы с матерью. Нужно знать, каким он был в раннем детстве, о чем мечтал, к чему стремился, что составляло его жизнь. Поступки – вот что главное. Как писал Аристотель, мы есть то, что мы делаем, – проговорила Вера, мысленно гадая, почему Зоя так поспешно сбежала. Неужели с ней не получится найти общий язык? Вера внутренне собралась – психолог, в конце концов, она или нет?

– Итак, – прервал Эмиль ее размышления, – вернемся к Тьерри.

И они начали детально изучать каждое движение его бровей, уголков глаз, рта, мускулов. Он мучил Веру часа два, если не больше, заставляя высказывать свое мнение едва не о каждой испытанной мальчиком эмоции. Вера выразила опа-

сение, не запутывает ли Эмиль сам себя, но тот отмахнулся, огорошив ее, что это для его научного труда по психологии поведения.

Глава 3. В театре Эссайон

Вера стояла под обжигающим душем, смывая усталость и напряжение. Кожа покраснела, а перед глазами все мелькал Тьерри. Облако пара качало в жарких объятиях, чуть опьяняя, действуя вроде расслабляюще, но Вера все никак не могла перестать ощущать себя точно после долгой болтанки.

Внезапно зашумела труба – совсем как дома! – и полилась ржавая вода. Она вздрогнула, взмахнув душевой лейкой, и вода облила висящую на кафельной стене одежду и полотенце.

– Черт! – выругалась Вера, торопясь повернуть вентиль душа. – Это же Европа, центр Парижа!

Она вдруг вспомнила, что сегодня с самого утра не сделала ни одной фотографии, не сняла ни одной сторис. Иногда соцсети ее страшно бесили, они высасывали жизнь и время, но она обожала в конце дня просматривать свои собственные истории, радуясь плодотворному труду. И как такие противоречивые чувства могли уживаться в одном блогере?

Да была ли она блогером, если вела страницу через силу, уже сто тысяч раз бросала и начинала, а самое долгое время, которое смогла продержаться, не выпадая из инфополя, – лишь год? Она сбилась со счета, сколько раз теряла подписчиков, набирала их вновь, покупала рекламу, не спала сутками, давая скучающим домохозяйкам уроки фран-

цузского, чтобы накопить на следующую. А потом руки опустились вновь.

Неужели в этой жизни возможно найти себя, только притворяясь в Сети кем-то другим?

Вера потянулась за полотенцем, обмоталась им и мокрыми стопами прошла по потертой, давно не белой, но с черными виноградными лозами плитке, оглядывая свое новое гнездышко. Сердце начало оттаивать. А может, она найдет себя здесь?

Ей сняли маленькую квартиру-студию на предпоследнем этаже в том же доме, где был офис Герши: маленькая уютная гостиная-кухня с мебелью из Икеи, спальня с недавно освеженной лепниной и скрипучим паркетом, в которой все пространство занимала кровать. Не было даже шкафа. Тумбочкой Вере пока служила стопка книг на русском, которую она привезла с собой в надежде, что поездка будет не короткой, поверх лежал на зарядке телефон. Рядом – раскрытый чемодан, полупустой, поскольку раньше почти полностью был забит книгами.

Она вытащила из кармана на крышке свой старенький белый «Асус», обклеенный поблекшими от времени стикерами – персонажи фильма Тарантино, черно-белое фото Хичкока, любимый Шелдон Купер, кривящий рожицу. Кстати, было в Эмиле что-то от Шелдона, оба напоминали упрямого и несгибаемого Спока. И Вера с улыбкой подняла ладонь на уровне лица, раздвинув пальцы в вулканском жесте-при-

ветствии. Рассмеялась и бросила ноутбук на белую простыню, сев рядом в мокром полотенце. На черном, блестящем как зеркало экране виднелось отражение девушки со взлохмаченными волосами. Вера улыбнулась самой себе.

Открыв сеть, она ввела в окошко поисковика имя Эмиля Герши. Странно, но поиск не выдал ни одного. Если не считать многочисленных статей о его агентстве, то информации никакой. Может, у него псевдоним? Открыв почту, она внимательно прочитала имя, вроде ошибки нет. Да и журналисты не ошибались бы. Во всех сетях та же история: «По вашему запросу ничего не найдено». Вера безуспешно скролила ленту поиска. Одни статьи. Он казался газетной выдумкой.

Интересно: в наше время, если человека нет в соцсетях, то его не существует и в жизни... Вера набрала имя Зои. Тоже ничего.

Она подняла задумчивые глаза к окну без занавесок. Солнце садилось, сбрызнув небо и крыши сияющим перламутром с серебристо-перистыми, нежно-розовыми и золотыми бликами. Грязь на черепицах, черные трубы, которые торчали повсюду в невероятном количестве, пышные кроны деревьев – все омыто закатом. Через час заканчивалась репетиция матери Тьерри, ее надо было поймать прямо на сцене, чтобы она не успела исчезнуть – Эмиль предупредил, что она совершенно неуловима.

Она играла в театре Эссайон. Спектакль «Алиса в Зазеркалье». Искусство, Париж... Здесь даже воздух был пропи-

тан творчеством!

Вера замерла, уставившись на крыши города. И тут зазвонил телефон. Конечно же, ноутбук едва не полетел на пол. Звонил Эмиль. Ждал через десять минут вниз. «Черт, ну зачем так рано, полно же времени...» – пронеслось в мыслях.

– Надо пройтись. Вы будете знакомиться с городом, я – думать. Идти всего ничего. Минут двадцать, – последовало безапелляционное объяснение.

Он что, мысли умеет читать?

Нехотя Вера захлопнула ноутбук и, скинув полотенце на пол, пошла в ванную одеваться. Платье в нежный цветочек, пережившее полет, – единственное, что не было смято. Утюга здесь не нашлось, Юбер обещал, как только появится время, опросить всех соседей, может, у кого есть лишний. Вера прихватила куртку – короткая косуха с блестящими заклепками хорошо сочеталась с ее черными «мартинсами».

Париж в начале сентября был еще теплым, но вечерами довольно свежо. Солнце почти село, на улицах стало неожиданно многолюдно. Вера и Эмиль, одетый в черную толстовку с капюшоном, натянутым едва не на все лицо, шли в сторону центра Помпиду – по Риволи мимо Лувра, сквером де ла Тур Сен-Жак, ныряя в тихие узкие улочки. Шли молча. Ее новый начальник, опустив голову и сунув руки в широкий карман на животе, сосредоточенно гипнотизировал свои белые кеды. Думал. Он был похож на францисканца в этом своем черном балахоне с капюшоном.

Вере ничего не оставалось, как с удовольствием глазеть по сторонам – на готические церкви, кружевными сталагмитами устремленные в небо, старинные монастыри, в которых сейчас в основном действовали офисы, ажурные арки, фонтаны со скульптурами в черно-зеленых туниках из мха и плесени. По узким дорожкам носились юркие велосипедисты, одетые в строгие костюмы или бомжеватого вида свитшоты, закованные в шлемы скутеристы. На углах можно было увидеть бабулечек-цветочниц, в кафе ютились праздные посетители – сидели за крошечными столиками прямо на тротуарах, коротая время за чашечкой черного кофе с полупустым графином воды. Кстати, питьевая вода в Париже отвратительная, с привкусом глины и ила.

Наконец вдали показалась разноцветная громада из стекла, железа и бетона с просторной площадью у входа. На брусчатке сидели люди, пили из бумажных стаканчиков кофе, беседовали, тут же наяживали музыканты. Вера подняла глаза к странной конструкции центра Помпиду. Это был словно вывернутый наизнанку робот, он казался островком современности в густоте построек в стиле довоенного модерна. Прямо через улицу шла сплошная линия жилых домов из светло-кремового камня с неизменными магазинами и кафе на первых этажах под ярко-красными маркизами, балкончиками и мансардами под темной шапочкой черепицы.

Они обогнули торец этого робота, вновь углубившись в привычный парижский пейзаж. В глубине дворов прятался

неопрятный особняк Отель Эгле д'О. В его подвале и располагался авангардный театр, основанный в 70-х. Вход представлял собой нечто очень гротескное и пугающее – кривые двери, над которыми кое-как наляпаны старые афиши, рядом – окно с решеткой и кроваво-красные буквы «Theatre Essai», часть из которых отвалилась и повисла.

Эмиля и Веру никто не остановил, когда они темными коридорами пробрались в один из двух залов, где проводились спектакли. Нештукатуренный кирпич, сводчатые потолки, железные стулья, кривые простенки, абсолютное отсутствие сцены, томное освещение, актеры, одетые в обноски. Шла репетиция «Алисы в Зазеркалье».

– Мать Тьерри, – махнул головой Эмиль на невысокую хрупкую женщину в белом девчачьем платье, кроссовках и с красным бантом в рыжих волосах. Они наблюдали за актерами в тени прохода. – У меня с ней диалога не получилось. Придется вам. Это ее муж, уже давно бывший, заказал расследование.

– Ах да. – Вера припоминала, написано ли это в деле.

Репетиция закончилась, актеры что-то обсудили, перекинувшись несколькими непонятными фразами, и стали расходиться.

Стоявшие в проходе Эмиль и Вера посторонились, пропуская их. Боясь упустить добычу, Вера тотчас выступила в полоску света, когда Алиса, снимая с волос бант, направилась к выходу.

– Здравствуйте, мадам. Я Вера Максимова, из агентства Герши. Вы не уделите пару минут?

Актриса остановилась, окинув Веру тяжелым, усталым взглядом, совсем не свойственным амплуа инженеру, в образе которого она пребывала минуту назад.

– Что за акцент? Вы из Болгарии?

Вера вспыхнула. Ей всегда казалось, что благодаря общению через «Тандем» она поднаторела в парижском французском.

– Ладно, – смягчилась мать Тьерри, заметив, в какой ступор ввела бедную приезжую. – Что вы хотели? Выкладывайте. Только быстро.

Лицо у нее для сорокалетней дамы вполне себе ничего, сероватый оттенок кожи окупали большие синие глаза и густые волосы с приятной рыжинкой. В чертах проступало что-то знакомое. Тьерри унаследовал ее тонкий нос и веснушки.

– Я бы хотела поговорить о вашем сыне, – негромко, с ноткой выученной неуверенности начала Вера, как делала всегда, когда к ней на сеанс являлись пациенты, пришедшие не по своей воле: жена настояла, дети трудные, родители оплатили курс для отбившегося от рук отпрыска. Если не считать телефона доверия, где она работала на четвертом курсе – там приходилось юлить еще больше (звонили такие, что – ах! могли с ходу начать орать, что стоят сейчас на подоконнике в шаге от пропасти в шестнадцать этажей), у Веры был большой опыт бесед в стиле «сопротивления».

– Моник Роллен, – представилась актриса, жестом указала на один из стульев, которые завтра займут зрители, и села, закинув ногу на ногу.

Вера опустилась на край соседнего стула и сцепила пальцы на коленях.

– Вера Максимова, психолог.

– Ваш шеф так и будет стоять в дверях, точно секьюрити? – Моник сделала полуоборот, откинувшись локтем на спинку стула, и отправила игриво-презрительный взгляд на Эмиля. Тот выступил из темноты, оперся спиной о стену, скрестил руки на груди. Капюшона с лица он не снял.

– В прошлый раз вы меня не очень-то жаловали.

– Поэтому ты привел с собой суфлера, гадкий грубиян.

– Вера – дипломированный психолог, имеющий за спиной несколько лет работы с детьми.

Вера покраснела – Эмиль очень смело превратил ее год практики в несколько лет. Моник фыркнула.

– Вы настроены враждебно лишь потому, что нанял меня ваш бывший муж, – холодно заметил Герши.

Вера сжалась внутри. Ой, ой, ой, так нельзя! Что он делает? Сейчас ведь сцепятся, поссорятся, и мать Тьерри просто встанет и уйдет.

– Дело в том, что дети, достигшие подросткового возраста... – Вера поспешила перевести на себя ответный огонь, готовый вырваться из опасно побледневшей актрисы. – Работать с ними все равно что бомбу разминировать. Говорить

с ними – искать в переплетении цветных проводов тот, который отвечает за взрыв. В особенности с современными подростками: они начинают рано взростеть, поглощают слишком много контента. Мы росли совсем иначе.

– Что есть, то есть, – понимающе кивнула Моник.

Вера насилу сдержала облегченный вздох, улыбнувшись. Она только что перекусила проводок, и циферблат с обратным отсчетом померк. Взрыва не будет.

– Могу я задать вам несколько вопросов, чтобы лучше узнать Тьерри?

– Вся эта история – совершеннейший бред! Я считаю, что его друг отсиживается и наблюдает из какой-нибудь дыры, как его все ищут.

– Вы имеете в виду... – Вера насторожилась. – Первого или второго мальчика?

– А их было двое?

– Да. Один пропал год назад, второй с месяц назад.

Моник сморщила веснушчатый нос, выражая презрение и недоумение одновременно, выдавая с потрохами свое равнодушие к происходящему. Вера поняла, что мать она из тех, про которых в психоанализе говорят «отсутствующая». Придется довольствоваться сведениями, что удастся раздобыть. Вера собралась спросить, в каком возрасте у Тьерри была нарушена связь с отцом, но этот вопрос мог все испортить.

– Каким он был в младенчестве?

Моник достала из кармашка платья пачку сигарет и зажи-

галку, нервно прикурила.

– Требовательным, орал, как иерихонская труба, – выдохнула она густое облако дыма. – Я одна его воспитывала. Целый год актерской карьеры вылетел в трубу. Потом у нас появилась соседка с дочками, удалось с ней договориться. Она добрая была. Семь лет назад они съехали, не помню, когда последний раз списывались.

То есть годовалого ребенка она спланировала соседке. Еще хуже.

– Чем увлекался Тьерри? У вас были домашние питомцы?

– Увлекался... – Моник опять сморщила нос и затаилась. – Откуда мне знать, чем он занимается в Сети. Игры какие-нибудь... Из питомцев – часто приводил в квартиру то собак, то кошек, но я не терплю в доме вони, поэтому он от них тотчас избавлялся.

– Что он с ними делал?

– Относил туда, откуда брал.

– А с огнем баловаться не пробовал?

– Покажите мне хоть одного мальчишку, который бы не баловался с огнем! Спросите своего шефа. Он-то точно сжег в детстве пару-тройку сараев.

– Тьерри сжигал сарай? – Вера сделала большие глаза и даже чуть подалась вперед, надеясь, что ее показное удивление не выглядит слишком наигранным.

– В деревне у матери бывшего... кажется, это был... – Она задумалась. – Не знаю, то ли туалет, то ли курятник.

– С курами?

Моник пыталась припомнить детали. В ее пальцах тлела сигарета.

– Не могу сказать. Но счет выставили... помню, сотни на три.

– А спортом он увлекался? Или, может, увлекается сейчас?

– Нет, что вы! Этот из рода тюленьих, как и его папаша.

Вера двинула бровями, но тут же расправила лицо и улыбнулась. Мальчишка был явным холериком, ничего тюленьего в нем она не заметила. Тюленю вряд ли бы пришла в голову мысль отправиться ночью на кладбище, чтобы вызывать духов. Она вспомнила неоднозначный отзыв Зои о Тьерри.

– Ах да! – неожиданно вспомнила Моник, махнула рукой, и пепел посыпался на пол. – Это, может, вас заинтересует. Учитель у них есть... по литературе... изображает из себя такого гения от искусства. Ну, знаете...

Она замолчала, взяв по воздуху пальцами, собранными в щепоть, и жуя губы, пытаясь поймать хвост ускользающей мысли.

– Как из «Общества мертвых поэтов»? – подсказала Вера, которой всегда на ум приходили образы из любимых фильмов.

– Ага. – Моник всплеснула руками. – Точно. Который вскакивал на парты, что-то декламировал. Этот такой же. Но я бы сказала, он пожестче, позатейливей, навроде того чу-

вака из «Волхва» Фаулза. Вечно какие-то костюмированные постановки, литературные вечера, перформансы. Не нравится мне все это. Вот не нравится и все тут!

– А Тьерри любит литературу?

– Не сказала бы... – мотнула головой мать. – За книгой его увидеть – снег в июле выпадет, ага. А вот фигней страдать, ходить милостыню просить в костюме Генриха IV – это всегда пожалуйста.

– То есть литература его не интересует... А учителю все-таки удастся занять детей?

– Они часто с ним тусуются, ходят по театрам, музеям и выставкам. На мои спектакли заходят. Я, грешным делом, подумала, что он за мной приударить собрался, но ошиблась. Окружил себя пятью-семью ребятами и ходит, будто король с миньонами. Я, может, и не знала бы этого, но он здесь часто бывает, так что...

Моник не знала, куда деть глаза: то разглядывала собственную руку, то упиралась взглядом в потолок.

– Ваш сын тоже появляется в этой компании? – Вера старалась понять, что именно она пытается скрыть.

Моник вытянула губы в трубочку, осознав, что сболтнула лишнего.

– Знаете что, господа ищейки, – неожиданно резко заявила она и нагнулась, затушив сигарету прямо об пол, – с самого начала я была против того, чтобы сюда впутывали Тьерри. Он балбес, потому что... правильно вы сказали, потому

что подросток, и в голове у него один ветер. Я против того, чтобы он путался с этим типом, и уже раз двадцать ему это запрещала! Чувля я, что какой-нибудь фигней все кончится.

– Мадам, в ваших интересах нам все рассказать, – подал голос Эмиль.

– Это почему?! – тотчас взвинтилась она.

– Вы боитесь, что он все-таки виноват в пропаже своих друзей.

Сердце Веры упало, она вспыхнула, ощутив, как на лбу выступили капли пота и опасно подскочила температура ушей. Господи, что он несет? Какой же грубый. Боясь увидеть последнюю степень гнева на лице Моник, Вера все же подняла на нее глаза, сделав это очень медленно, будто собиралась посмотреть в лицо Медузе Горгоне.

– Участие в преступлении – это серьезно, мадам Роллен. Надо уже сейчас искать смягчающие обстоятельства, – слова Эмиля прозвучали довольно убедительно, но все равно были произнесены не слишком вежливо.

Моник поднялась.

– Его отец вас нанял, боясь, что он станет третьим! А не для того, чтобы вы его за решетку упекли. С чего вы вообще взяли, что он принял участие в преступлении? Он, что, двух взрослых мальчишек четырнадцати-пятнадцати лет где-то насильно удерживает? Это вы хотели сказать? Или что-то еще хуже?

Она запнулась.

– Лучше присмотритесь к этому... как его! Эрику Куаду.

– Спасибо, мадам. – Эмиль качнул головой, глядя куда-то в сторону и, очевидно, не замечая, в каких чувствах та пребывает. – Вы нам очень помогли. Идемте, Вера.

Глава 4. Guilty pleasure⁹

Это было волшебное место для пятнадцатилетнего мальчишки – лавка чудес, набитая барахлом от пола до потолка, антикварный магазин, в котором стен не видеть из-за обилия вещей. И где – прямо под моей квартирой в доме на углу Риволи и 29 Июля. Описать его слов не хватит. Просто вспомните лавку старьевщика из бальзаковской «Шагреновой кожи»: эти туннели, узкие проходы, углы, повороты... Лампам из бронзы, фарфоровым вазам и статуэткам, старинной мебели, книгам, одежде из разных эпох, пахнувшей нафталином, там не было числа. Какие-то механизмы не то из разобранного граммофона, не то из старого радиоприемника соседствовали с репродукциями в подражание Ренессансу, египетские кошки, сделанные, разумеется, не при царствовании Эхнатона, но при Наполеоне уж точно, лежали вперемишку с велосипедами и старыми немецкими печатными машинками.

Столько интересных вещей я не видел никогда!

Весь Париж тащил папаше Массену старье, освобождая квартиры, которые модно было нынче обставлять в стиле минимализма. Сам он объезжал всю Францию в поисках товара.

⁹ Постыдное удовольствие (англ.).

Теперь лавки давно нет, но я вспоминаю ее с особым теплом. О эти красочные слои эпох, подобные мазкам на ранних полотнах Сезанна! Здесь даже была какая-то абстракция не то Кандинского, не то Малевича. Лавочник Массен утверждал, что это подлинник, и выставлял картину в старинной витрине из дерева и стекла. Никого и близко не подпускал, держал ее на замке, постоянно стирал с дверцы отпечатки ладоней незадачливых посетителей, поправляя картонную табличку «Руками не трогать».

В воздухе здесь стоял тяжелый запах пыли и лака – папаша Массен занимался реставрацией мебели, что-то вечно шкурил, счищал, удаляя украшения, или, напротив, наклеивал какие-то завитки, покрывал особым составом какой-нибудь комод времен короля-солнца, превращая в модный шкаф, или, напротив, занимался ювелирным восстановлением секретера, принадлежащего императрице Евгении.

Шел 1997 год, я оканчивал лицей Генриха IV. Летом последний экзамен, и можно было забыть эту чертову учебу лет на сто. Я мечтал устроиться к папаше Массену взамен того алжирца не старше меня на вид. Искренне казалось, что нет большего счастья в жизни, чем владеть всем этим богатством.

Тут я задержусь, чтобы подробнее описать мое знакомство с тем, кого я собирался подвинуть и кто изменил мою жизнь. Поначалу я не обращал на мальчишку никакого внимания, не знал о нем ровным счетом ничего, кроме того, что

папаша Массен лупит его за малейшую провинность. Ну ко мне лавочник не посмел бы так относиться, я ведь француз, парижанин в пятом поколении, к тому же живу в центре Парижа, а мой отец – профессор Сорбонны.

Помощнику папашы Массена было лет шестнадцать. Откуда он взялся, я не знал и выяснять не собирался, пока не присмотрелся к нему пристальней и не понял, что он не так прост, каким кажется.

То был мальчишка с душой глубокого старца. Он имел удивительную способность перевоплощаться из фальшивого льстеца в галантного восточного принца. Я так до конца и не выяснил, которая из личин была его истинным «я» – трусливое пресмыкающееся с раболопски опущенной головой, обнимающее себя за локти и скруглившее спину, рыцарь печального образа или же самое страшное чудовище. Но каким бы чудовищем он ни был внутри, его душа наверняка путешествует по телам с моисеевских времен. Это был сам Дьявол, Люцифер, поставивший меня на колени, тот, кого в литературе обычно зовут воплотившимся в человеческом облике Сатаной.

Только когда хозяин лавки был рядом, этот таинственный алжирский мальчик превращался в червя. Массен бил его за все подряд, тот ходил подле него скрючившись, в вечном ожидании затрещины, молчаливо сносил брань, удары, унижение, умел смотреть таким невинным, порой тупым, порой ничтожным взглядом, что казалось, это не человек, а без-

домная собака. Сначала мне стало его отчаянно жалко – беженец без документов и прав, не в состоянии постоять за себя. Я даже попробовал за него вступиться, но папаша Массен решил, что его помощник попросил меня об этом. Чтобы не видеть расправы, которую он учинил за мое заступничество, мне пришлось уйти. Но крики были слышны и на четвертом этаже.

А потом я увидел его настоящим. Едва нога хозяина за порог – а тот мог надолго уехать в поисках товара куда-нибудь в Прованс или к замкам Луары – помощник снимал маску лакея и преображался на глазах, выпрямлялся во весь рост, словно вырастал, выпивая какой-то эликсир, и превращаясь в совершенно другого человека. Взгляд прямой, голос ровный, учтивый, одежда приличная, черные волосы зачесаны назад, открытый высокий лоб философа. Лицо у него было красивым, над губой тонкая полоска черного пушка. А как изящно он изъяснялся! Какой у него был глубокий, чарующий голос, он будто выдыхал слова, хотя при лавочнике едва слышно шептал. Я потом пробовал говорить так же перед зеркалом – выходило нелепо, все равно что пытаться повторить выражение лица Моны Лизы. А тому при всей его молодости удавалось не быть смешным.

Он обслуживал клиентов с элегантным почтением и знанием дела, девушки к нему так и липли, соседи обожали. Лавка моментально наводнялась людьми, возникал какой-то особый порядок среди вещей, всегда играла музыка – он ста-

вил на старый патефон пластинки с классическими произведениями. А порой начинал подпевать Карузо или Паваротти, собирая восторженную толпу поклонников.

Наверное, на этот голос и шли девочки, как макрель на хлебный мякиш. Так этот юнец – старше меня всего на полтора года – еще и умным был, как десять профессоров, он выучил латынь в детстве. Позже я узнал, что он вырос в монастыре. Там его монахи, видать, и обучили этим премудростям. А может, кое-чему еще.

Из раба он будто преображался в ангела, становился олицетворением восточной учтивости несломленного аристократа, переживающего не лучшие времена. «Переодетый Гарун аль-Рашид, – говорили про него. – Породу не спрятать».

Я был огорошен. Я ему завидовал. Страшно завидовал его внутренней свободе, начитанности, которая возможна лишь в веке девятнадцатом, когда не было ни телевидения, ни Интернета. Завидовал его элегантности, нестигаемой царственности, голосу и тому, как он себя держал. Завидовал его таинственной истории, которую он наверняка имел за душой.

Я невольно начал ему подражать. В пятнадцать лет, пока себя не найдешь, так часто тянет быть кем-то другим. Я чувствовал себя неженкой и тряпкой, когда видел, как его лупит хозяин. Сам не выносил, даже когда отец поднимал на меня голос, не разговаривал потом с ним неделю. Никогда мне не видать подобной стойкости, выросшему в довольстве и родительской ласке. Я стал ненавидеть собственную мать,

потворствующую моей лени! Мне полтора десятка лет, а за душой ничего, кроме счастливого детства. Ничего! Никакой истории. Обо мне не скажут: ах, какой удивительный, тонко чувствующий юноша, на меня не посмотрят с восхищением, как на алжирца. Я ничего не достиг и никогда не достигну. Совершенно пустой сосуд.

Я стал спускаться с четвертого этажа в лавку, чтобы втихую почитать старинные книги. Чтобы быть, как он, знать столько же, сколько он, надо читать то, что читал он, слушать, то, что слушал он. И я уже месяц грыз тугие для понимания «Опыты» Монтеня, ни много ни мало – три толстенных тома. Но я не сдавался!

Конечно, я лишь сейчас понимаю: не будь во мне самом этой тяги к прекрасному, к тайнам бытия, философии, к поиску истины, не стал бы я пытаться одолеть Монтеня, не притягивала бы меня эта лавка, набитая изящными вещами. Юный алжирец, знавший латынь, цитирующий Гегеля, стал путеводной звездой на выбранном мною пути. Он слушал классику – я шел в магазин грампластинок и набирал Баха, Моцарта, Паганини. Он восхищался Сартром и Камю – я покупал «Тошноту» и «Постороннего» и поглощал за пару дней, ничего не поняв, но не решаясь обратиться за объяснениями ни к своему Учителю, которым для меня стал этот мальчик, ни к кому-либо другому... Я боялся, что подумают: я в него влюблен, что я какой-то не такой! Я и вправду был от него без ума, но как был без ума от Сократа Платон,

от Аристотеля – Македонский. Кончался двадцатый век, все мои сверстники сходили с ума по игровым приставкам и девчонкам, мечтали о большом телевизоре, видеомэагнитофоне и ходили на вечеринки, а я тихой тенью прятался за горами антикварных излишеств и тайно следил за тем, кем мечтал стать. Я бы с радостью обменялся с ним телами, получив в придачу к той таинственной истории, которая делала его таким возвышенным, его бедность, неустроенность, беды, горе, душевные муки и магические силы Сатаны.

Я долго не отдавал себе отчета, что за его способностями стоят страдания, он заплатил высокую цену за то, чтобы стать таким. Но сама мысль о том, что передо мной человек с таким чистым и незамутненным разумом, богатым вкусом, что на них не влияет ни его социальное положение, ни достаток, а точнее его отсутствие, приводила меня в трепет.

Я даже не был шокирован, когда увидел, что он за спиной у своего патрона водит девочек в лавку, усмотрев в этом некий акт проявления эстетического вкуса.

Он был галантен, как Казанова, и этому тоже можно было у него поучиться. Девчонки действительно тают, когда с ними, как с фарфоровыми куколками. Он соблазнял их нарядами, которые чинила жена лавочника. А что еще надо юным барышням? Почувствовать себя королевой! В лавке всегда висела дюжина тяжелых бархатных и шелковых платьев – из разных исторических спектаклей про мушкетеров и Варфоломеевскую ночь, с высокими воротниками, белыми брыжа-

ми, узкими корсетами и широкими многослойными юбками. Он предлагал примерить их, приносил откуда-то диадемы, шляпки с перьями – этого добра было здесь выше крыши, жена хозяина брала их на реставрацию из музеев и театров.

Незадачливые девчонки, закованные в тяжелую парчу, придавленные десятию, а то и пятнадцатью килограммами материи, крутились у зеркала, не помышляя о том, что он запер их в красивую мышеловку, они совершенно беззащитны в таком облачении. Гарун аль-Рашид может делать с ними все, что пожелает, – они становились его мотыльками, застрявшими в сетях липкой паутины.

Сначала я мог видеть лишь прелюдию к этим странным действиям, нисколько не сомневаясь, чем они кончались. Трусил, уходил раньше. Тихо выбирался из-под завала вещей и потом слонялся по улицам, рисуя в воображении всякое. Очень хотелось знать, что же он с ними делает? Как далеко заходит? Но страх быть пойманным меня останавливал, пока я не заметил, что девочки к нему не возвращаются.

Однажды это случилось.

Я просто не успел уйти. Присел за горой книг, листая старое издание «Фауста» на немецком, справа – грудa старинного серебра, которое нуждалось в чистке, слева – большой секретер. Я поднял голову и сквозь щель между книгами и ножкой секретера увидел, как помощник ведет очередную девицу к манекенам и показывает ей наряд. Если бы я двинулся, задел серебро, они бы меня заметили. Я затаил дыха-

ние, глядя, как девочка с многозначительным видом выбирает свою ловушку среди платьев зеленого, красного, золотого бархата и парчи, примеряет шляпку, накидывает мантилью, виляя перед зеркалом худым задом.

На ней почти ничего нет – такая нынче мода. Короткий топ без лямок, едва прикрывающий грудь, мини-юбка размером с полотенце для рук. И копна волос до попки.

Я почти не дышал, лишь переместил взгляд чуть левее, чтобы обозреть ее всю. Сквозь щель между лампой с фаянсовым абажуром и высокой стопкой потрепанных книг, которые ждали переплетчика, я ясно видел, как это тонкорукое и тонконогое существо пытается пристроить шляпку на голове, то приспуская ее на лоб, то запрокидывая на затылок. Вдруг ее прервал явившийся помощник лавочника, мой Гарун аль-Рашид и Казанова. Я впился взглядом, едва не шепча: «О Учитель! Яви свой урок!», как бы глупо это ни звучало. Но я был непроходимым романтиком, увы. Только... такие люди потом плохо кончают.

Он, невероятно преобразившийся, одетый как на свидание – в черные брюки, не по моде узковатые, простую рубашку темно-синего цвета, – подошел к своей жертве сзади. Уверенными руками опытного мужчины он ласкал ее плечи, потом наклонился, что-то прошептал на ухо, поднял ей руки. Некоторое время они стояли, застыв с поднятыми руками, он полюбовался ею и начал стягивать через голову короткий красный топик. Долго мял ее грудь, и я заметил, что

он смотрит не на нее, а на себя, на свое отражение. Его голова поднята, глаза горят и широко распахнуты, пальцы действуют автоматически: скользят по нежной плоти, опускаются к ребрам, животу, – он будто скульптор, желающий придать своей работе нужную форму.

Некоторое время он так и стоял, наблюдая за собой в зеркало. Жертве наскучило, она стала слабо сопротивляться, выворачиваясь, сама стащила с себя юбку и нетерпеливым жестом указала куда-то в глубь лавки. Ей не терпелось надеть платье, она не заметила ничего опасного в глазах своего ухажера. Она хотела платье!

Но он не торопился. Держал ее за плечи, продолжая впиваться взглядом в отражение. Чертов эстет! Она была красива, даром, что худая, как жердь, загорелая, но отраженная в зеркале и стиснутая его руками – как бронзовая статуэтка. В одних трусиках, стоит и царственным жестом указывает на манекен. Не замечает! Не видит дьявольского огня в его зрачках.

Я сжимал руки с такой силой, что пробил ногтями кожу ладоней. Рядом опасно накренилась башня книг, одно неловкое движение, они упадут на серебряные блюда, и видение растает. Но теперь я не боялся чьего-то гнева, я боялся остаться ни с чем. Снова остаться голодным.

Платье он собирался надевать на нее снизу. Опытными движениями, очевидно, делая это не первый раз, уложил его на пол, расправил и помог девчонке упаковаться, как истин-

ный портной эпохи короля-солнца. Он натягивал золотую парчу на ее худые бедра, затем вдевал руки в длинные рукава, поправлял торчащие буфы, словно нанизанные на нитку китайские фонарики. Она была очаровательна в этом наряде, истинная фаворитка королевы Екатерины, в особенности с копной каштановых волос, ниспадающих до талии.

Его руки мягко собрали ее волосы в пучок и приподняли над макушкой. Я наблюдал в зеркале за игрой паука с пойманным мотыльком. О, как я его понимал, потирая о колени мокрые ладони и безуспешно пытаясь проглотить комок, застрявший в горле!

Он начал ее шнуровать. Стягивал корсет сильно, очень сильно. Девушка сначала взмахнула рукой, прося его остановиться. С губ слетел слабый вскрик, похожий на вздох. И тотчас же она стала биться, задыхаться, упала на пол. Значит, вот как оно!

Он уложил ее лицом вниз и забросил на голову юбку. Дальше я смотреть не смог. Струсил? Или посчитал, что для эстетического удовлетворения собственной ничтожной душонки на сегодня достаточно? Достаточно видеть голые ноги в ворохе рюш. Промелькнула мысль, что девушке не хватает чулок.

Я глубже осел за книги и отодвинулся от серебра, увидев, что паук тащит тело в подсобку. Послышался хлопок закрывающейся двери. Я на четвереньках отполз к выходу и красный, как вареный рак, вышел на улицу, поторопившись сра-

зу шмыгнуть в кафе за углом, чтобы этому извергу не пришлось в голову пойти посмотреть, кто звякнул входным колокольчиком.

Шок! Вторая мысль после чулок была неясной, но с оттенками стыда и страха. Я стал судорожно размышлять, как такое могло происходить в моем доме, в лавке под нашей квартирой, в центре Парижа? Алжирец насиловал девочек прямо в антикварном магазине. И уже давно.

Я надолго забыл туда дорогу, не мог спокойно сидеть на уроках, слушать преподавателей, был точно оглушен несколько дней, целый месяц! Я плохо сдал экзамены. Едва не провалил поступление в Эколь Нормаль. Перед глазами все стояла неживая фигура с задранной до самой талии платьем, охапка каштановых волос, голые ноги.

Глава 5. Братья Герши

– Вы уж простите, месье Герши, – прошипела Вера, когда они оказались на улице. – Но вы испортили мне всю беседу с матерью Тьерри!

– Я знаю.

Этот простой ответ ввел Веру в ступор. Она молча открыла и закрыла рот. Наверное, не нужно в первый рабочий день быть такой прямолинейной со своим начальником. Вырвалось. Да, совершенно случайно. А он тактично пытается обойти острые углы.

– Простите. – Вера стушевалась. Они шли обратно к площади Жоржа Помпиду. – Там было так душно... И...

– Не нужно оправдываться. Вы совершенно правы: я не умею говорить с людьми. Поэтому и пригласил вас. Я недавно понял, что мое неумение наводить мосты значительно тормозит процесс. Никто не любит правду. Тем более ту, которой я подбираю обертку по своему вкусу. Так вышло. Что ж, необязательно уметь все.

Вера искоса поглядела на него. Произнеся последнюю фразу, Эмиль сжал челюсти сильнее обычного, с трудом расставаясь с неприятными словами. Он лгал!

Он лгал, изображая равнодушие. Его это неумение мучило, изводило. Ведь он перфекционист. Вера видела, как аккуратно он уложил все предметы от своего ноутбука, какой

порядок царил на его экране без обоев, в какие стройные столбики были выстроены папки на рабочем столе. Еще тогда она допустила мысль о легком обсессивно-компульсивном расстройстве. Он любил, когда все ровно по линейке, вовремя и на высшем уровне. Этаким Сверхчеловек Баранкин. Но вряд ли Эмиль читал повесть Медведева. Ницшеанский сверхчеловек!

– Хотел бы сразу обозначить ваши обязанности. Вы будете вести переговоры, допросы вместо меня. Разумеется, не всегда. Я дам знать, когда ваши услуги потребуются. Мне понравилось, как вы говорили с мадам Роллен. Все вопросы заданы по теме. Но я бы еще уточнил про энурез – для полноты триады Макдональда¹⁰. Вы, видимо, посчитали спрашивать о таком нетактичным. А зря.

– Она бы не ответила.

– Почему?

– Вы стояли у нее за спиной. Хотя бы поэтому.

Эмиль нахмурил брови.

– Может быть.

Они оставили позади Центр Помпиду, площадь Стравинского с плоским фонтаном, странными статуями в стиле картин Дали, очень красивым граффити на стенах какого-то здания, по виду походившего на заброшенный завод (в цен-

¹⁰ *Энурез* – часть триады, набора из трех поведенческих характеристик, описанных Джоном Макдональдом в 1963 году. Двумя другими характеристиками являются пиромания и зоосадизм. Ученый предположил связь этих характеристик с социопатическим и преступным поведением человека.

тре Парижа?), которое мирно соседствовало с темной готической церковью, и шли по довольно ярко освещенной улице Сен-Мерри. Она плавно перетекла в небольшую, утопающую в зелени площадь Эдмона Мишле. С левой стороны за бетонными тумбами длинным паровозом стояли велосипеды, прикованные к велопарковке. У зеленой абстрактной скульптуры обнималась парочка: он что-то нежно шептал ей на ухо, козырек ее клетчатого кепи упирался ему в щеку, она потянулась поцеловать, с плеча соскользнула лямка рюкзака. В кафе напротив компания пенсионеров обсуждала футбольный матч. У книжного лотка стояли молодые люди, что-то неспешно ища в старых изданиях, вход в лавку с винилом перегородил большой рыжий пес. Париж был таким уютным, даже домашним, как будто все друг друга знали...

Глазевшая по сторонам Вера чуть не врезалась в высокого пожилого месье в желтом костюме с бордовым шарфом на шее. Под мышкой он нес бутылку апероля. Тот вежливо извинился, Вера прошептала машинальное «ничего» по-русски и тотчас вспыхнула до корней волос. Но ее слов никто, слава богу, не расслышал.

На углу здания их окликнул мужчина средних лет в черной кожанке. Эмиль вдруг остановился и резко шагнул к столікам.

– Может, кофе?

Вера не успела ответить. Эмиль взялся за только что освободившийся стул, брезгливо сдвинул в сторону бумажные

стаканчики, оставленные предыдущими гостями, и предложил его Вере.

Почти одновременно Эмиль и мужчина в черной куртке стянули по свободному стулу у соседних столиков, вежливо и одинаково театрально испросив разрешения у тех, кто сидел рядом. Через мгновение оба сели по левую и правую руку от Веры.

– Добрый вечер, сударыня, – поздоровался тот, что был в черной куртке. – Кристоф Герши, уголовная полиция Парижа.

– Вы что, родственники? – Вера недоуменно переводила взгляд с одного на другого.

– Он мой дядя, – сдержанно ответил Эмиль. – Младший брат отца, если быть точнее.

– Вера Максимова, – пробормотала она, недоуменно оглядывая нового знакомого. Ровная спина, крепкие мышцы спортсмена, светлые, с легкой проседью волосы, зеленые прищуренные, изучающие глаза, смуглая кожа, три глубокие морщины на лбу и шрам, поднимающийся из-под воротника к уху.

– Это я попросил Эмиля познакомить нас. Не будем затягивать. – Он опустил на стол локти, обтянутые черной кожей куртки. – Я счел себя обязанным предупредить о том, во что вы ввязываетесь, поступая на службу к моему племяннику.

– Кристоф, – попытался было встрять Эмиль, но его дядя сделал короткое движение пальцами, точно отгонял му-

ху. На лице появилось кислое выражение, но лишь на долю секунды. Он сидел прямо, как палка, лицо не выражало ровным счетом ничего, веки нависали над светлыми равнодушными глазами – этакий Бельмондо, который бровью не поведет, уложив пару-тройку человек из огромного «кольта». Но, вместе с тем, было в Кристофе что-то аристократически притягательное. Рядом с ним Вера невольно почувствовала себя спокойней, как на приеме у хорошего врача, пусть и вещавшего не самые приятные новости.

– Во-первых, он – офицер полиции и бывший сотрудник операционного управления материально-технического обеспечения, – стал перечислять Кристоф. – Оператор полиграфа. Некоторое время назад Префектура хотела внедрить использование детектора лжи при допросах. Увы, безуспешно. Эмиль рискнул своим местом в BRI и отправился покорять новые вершины. Но его новая должность не протянула и года, лопнув, как мыльный пузырь. Криминальным аналитиком он тоже проработал недолго. Уволился из полиции, начал собственную деятельность, объявив, что он сам – детектор лжи. Вы должны понимать, что собираетесь работать на неуравновешенного психопата, который решил доказать, что он гений, каких мир еще не видывал.

Вера смотрела на сведшего брови Кристофа, не понимая, всерьез ли он или это такая семейная традиция – шутить с новыми знакомыми.

Эмиль вынул из кармана флешку и швырнул ее на стол.

– Видео мальчишки? – спросил Кристоф, не удостоив племянника взглядом.

– Да, – презрительным тоном ответил тот.

– Это, – Кристоф подхватил черный прямоугольный предмет и, повернувшись к Эмилю, застучал им по столу, – незаконно – вот так снимать подозреваемых.

– Ну так и не бери!

– Он вас использовал! – с кислой миной бросил Кристоф Вере. Опять появившаяся эмоция – лишь едва уловимый проблеск на каменной маске с выражением киллера.

– Я знаю... я была не против... если это поможет делу, – пробормотала Вера, не зная, как спасти своего начальника от гнева полицейского.

Кристоф задержал на ней взгляд. Его зеленые глаза потеплели, морщины разгладились.

– Да вы еще и добрая. – Он зацокал языком, качая головой, и сунул флешку в карман.

– Я отметил минуты отдельным файлом, – добавил Эмиль.

– Ну что? Удалось его на чем-то подловить?

– Сам суди. Ты же не доверяешь моей компетенции.

– Я доверяю твоей компетенции. Если бы ты сидел в своем бюро на Л'Эшикье и занимался анализом, цены бы тебе не было. А ты вечно ищешь на одно место приключений. Три года службы в BRI не делают из тебя Рембо, как ты не поймешь! Ты – криминалист.

Кристоф смотрел на него так, будто собирался душу вынуть. Эмиль молчал.

– В прошлый раз, в деле о подлиннике Брейгеля, – Кристоф повернулся к Вере, – погибло двое человек, а его сестра, которую он тоже безжалостно эксплуатирует, месяц пролежала в психбольнице.

Эмиль прикрыл веки, его брови взметнулись, как у пастора, повстречавшего самого отчаянного грешника на земле.

– Скажи ей, так ли это? – не глядя на племянника, Кристоф сделал нетерпеливое движение рукой в его сторону.

– Все так, – покорно подтвердил Эмиль.

– С матерью Тьерри говорили? – вновь перескочил с темы Кристоф.

– Да, она вряд ли нам поможет.

– Позвольте. – Вера подняла палец, другой рукой убирая волосы за ухо. – Мне показалось, что она была не вполне честна с нами.

Дядя и племянник как по команде повернулись к ней.

– В начале беседы она сказала, что не помнит, насчет которого мальчика мы пришли узнавать... вернее, сразу с места в карьер заявила, что исчезнувший отсиживается где-то. А когда я спросила, кто именно, она удивилась, что их было двое. А потом твердо заявила: ее муж нанял детектива, боясь, что сын станет третьим...

Кристоф, внимательно выслушавший ее, сдвинул брови на переносице. Эмиль не подал вида, что слова Веры взвол-

новали его. Он тоже умел, когда хотел, натягивать на себя каменную маску. И, скорее всего, сам заметил лукавство актрисы.

– А еще она навела нас на учителя литературы: сказала, что ее сын и еще несколько мальчиков очень с ним дружат. Они устраивают на улицах перформансы в костюмах эпохи Генриха IV.

– Эрик Куаду? – тотчас спросил Кристоф.

– Да.

– Она спала с ним. Расстались год назад. Еще не остыл гнев. По-видимому, хочет на него насыпать. К тому же ей не дает покоя его слава, ведь бросил он ее – или она его – до того, как его книга украсила все книжные витрины и принесла ему Гран-при.

Эмиль продолжал молчать, с напускной праздностью поглядывая по сторонам.

– Что ж, – Кристоф поднялся, – я вас, сударыня, предупредил. Если вляпаетесь в историю, вышлют из страны с позором. Не совершайте глупостей, советуйтесь с Юбером, он адвокат, просветит вас по части наших законов. Честь имею.

Он развернулся и быстро исчез на повороте улицы Кенкампуа.

Некоторое время Вера и Эмиль сидели молча.

– А почему вы так недолго проработали оператором на детекторе лжи? – наконец осмелилась спросить она.

– Во Франции испокон веков его никогда не применяли.

Так и не прижился.

– Жаль.

– Совершенно не жаль. Это очень опасная и неэффективная игрушка, лишенная души и живого интеллекта. Невинных может упечь за решетку, зато блестящих лжецов отпустить на свободу. Подозреваемый иногда всего лишь нервничает или испытывает неуместное чувство вины по иной причине, не связанной с преступлением, но его признают виновным. Вы знаете, сколько бессовестных лгунов сейчас ходят безнаказанными? – жарко заговорил Эмиль, упершись ладонью в стол. – Сколько тех, кого не поймали или вытащили хорошие адвокаты? Не-ет, полиграф – зло. Он таким только на руку. Лучше прокачивать внутренний детектор. Если хотите знать, работу полиграфического кабинета свернули по моей инициативе. Кристоф зол на меня: он столько сил бросил, чтобы племянника взяли в Национальную школу полиции... А я в итоге ушел в частный сыск, переругавшись с половиной Префектуры.

Вера заметила, что он чуть нахмурился и отклонил взгляд. Хотела спросить, насколько сложно попасть в это учебное заведение, но ей показалось, Эмиль что-то скрывает, и не стала лезть с вопросом. И без того дядя отметелил его при новой сотруднице – приятного мало.

– То есть вы полагаете, если определять ложь будет человек, то риски обмануться падают?

– Значительно. Хорошо, если с оператором будет сотруд-

ничать опытный психолог. Чтобы подвергать человека проверке на детекторе лжи, нужно знать о нем... все! Всю подноготную, всех его тараканов. Только опытный психолог сумеет влезть в голову и составить правильный список предикативных вопросов. Сугубо индивидуальный, а не шаблон! Иначе ошибки неизбежны. К примеру, отчего показатели лжи высокие, когда мы задаем вопросы касательно самого убийства, и тотчас падают, когда вопросы идут об оружии убийства? Дьявол в деталях, как говорится, но машина не умеет их улавливать.

– Да, – кивнула Вера, – я читала об этом у Экмана. Почему вы пошли в оперативники? Могли бы применять свои знания в каком-нибудь профайлинговом отделе. Во Франции есть такие?

Эмиль некоторое время молчал.

– Хотите кофе?.. – Он обернулся на открытые двери кафе. – Сюда никто не придет взять заказ, нам следует зайти внутрь.

– Нет, я не пью кофе на ночь.

Эмиль улыбнулся, очевидно, предпочитая накачивать себя кофеином именно в темное время суток.

– Тогда завершим прогулку до офиса. Я живу в квартире над вами.

– У вас все сосредоточено в одном доме.

– Не люблю тратить время впустую. Экономлю его на всем.

Они двинулись по Севастопольскому бульвару. Огни фонарей подсвечивали развесистые платаны, тисы и каштаны, буйно росшие по обе стороны дороги. Город был полон оживленной и разномастной публики, мелкие кафе забиты до отказа, шныряли велосипедисты – доставщики пиццы, смешные хипстеры в цветастых свитерах, офисные работники в строгих костюмах, мерно вышагивали пожилые пары, кто-то выгуливал собак или совершал пробежку. В Париже по утрам и вечерам полно бегунов в наушниках.

Эмиль накинул капюшон толстовки на голову, сунул руки в карманы и взглядом уткнулся в носки своих белых кед. Вера едва за ним поспевала, всю дорогу они промолчали. Понятно, предпочитает быть волком-одиночкой. Да и сам он... немного социопат, как видно.

Завернув на узкую и молчаливо-печальную Л'Эшикье, вся публика которой сводилась к сидящему у зеленых дверей парадной бомжу, мечтательно попивавшему вино из бумажного пакета, они поднялись по узкой ажурной лестнице, петлявшей вокруг недействующего лифта. Кабина и решетки представляли собой настоящее произведение искусства из кованого металла и полированного дерева. Вера перестала дуться на неразговорчивого начальника и самозабвенно вела пальцами по пыльным изгибам металлических ветвей, лилий, лоз и бутонов лестничных перил.

– Завтра весь день вы свободны, – наконец произнес ее начальник, когда они остановились у выкрашенной густой

бордовой краской двери ее квартирки-студии. – Но вечером нам нужно будет навестить писателя.

– Писателя?

– Да, Эрика Куаду. Вам незнакома его фамилия, – ему было свойственно совершенно не выделять вопросы ни интонационно, ни конструкцией «est-ce que», хотя Вера успела привыкнуть к этому и видела разницу между констатацией факта и любопытством.

– Нет, боюсь, пока нет.

– Не читаете книг в оригинале.

– Много! – встрепелась Вера. – Но Эрика Куаду... нет.

– Он пишет о временах Екатерины Медичи. Его детектив про убийцу, который косил фавориток королевы-матери, принес ему бешеный успех. В прошлом году он получил Гран-при при Французской академии, а в этом – Гонкуровскую премию лицеистов.

– О, – только и смогла произнести Вера, но что-то заставило ее насторожиться. Несколько секунд она плавала в раздумьях, кусая губы и разглядывая белые кеды Эмиля, который стоял, скрестив руки и уже как будто уходя, повернувшись в сторону лестницы. – Роман о Екатерине Медичи?

– Только слепой не заметил бы связи лепета мальчишки с темой, которой всю свою жизнь посвятил Куаду, – не очень тактично напомнил он.

– Он же преподает в лицее Генриха IV.

– Да, и то, что с мальчишками путается, – для нас не было

секретом. Мадам Роллен на самом деле открытия не сделала. Мы вас, собственно, для того и вызвали, чтобы распутать сложную связь учителя литературы с его учениками. Пока он – главный подозреваемый.

– Вот как! Учитель из лица?

– Навестить лучше в его логове. Он живет в одном из домов напротив парка Тюильри.

– Как удачно, – задумчиво проронила Вера.

– Понимаю вашу иронию. Если учесть, что в парке опять начали происходить странности.

– Странности?

– Люди видят призраков по ночам у колеса обозрения – Красного человека.

– Это что, правда? – Вера захлопала глазами. Было непонятно, шутит ли Эмиль.

– Парижская легенда. Так называют Жана Живодера. А Куаду живет в квартире, из окон которой парк как на ладони.

– Он как-то связан... с этими странностями? – вырвалось у Веры.

Эмиль не ответил, поставив ногу на первую ступеньку. На его лбу собрались морщины. Она ждала ответа, наблюдая за ним. Эти крашенные черные пряди и капюшон, нависающий над глазами, как у монаха-францисканца... Лестничное освещение делало его лицо мертвенно-бледным, круги под глазами растеклись до самых скул.

– Спокойной ночи, – наконец выдавил Эмиль и с ловко-

стью подростка помчался наверх, в свою квартиру.

Вера вынула из кармана ключи, изрядно провозившись, наконец отперла замок и очутилась в душноватой – как в квартирах старого фонда – темноте своего нового пристанища. Разом навалились усталость и непрощенные мысли о том, что она ввязалась во что-то нехорошее. Зачем ей эти приключения? Станные, скучающие европейцы, которые, кажется, с жиру бесятся и дурью маются... Стоп! Она заговорила, как отец, ненавидящий Европу всеми фибрами советской души. Но стало беспокойно на сердце, интуиция советовала прислушаться к словам человека из полиции. Настойчивость, с которой Кристоф из уголовной полиции пытался ее отговорить работать на агентство Эмиля, заронила в глубинах подсознания Веры зерно беспокойства, которое уже успело дать росток.

Она прошла в спальню и, не раздеваясь, упала на постель лицом в подушку. Потом медленно перевернулась на спину, откинув с лица волосы. Потолок был залит красным сиянием. Несколько минут Вера не могла понять, откуда это кровавое зарево, казавшееся недобрым предзнаменованием. Потом оно сменилось зеленым, и все стало на свои места – светофор на углу их дома. Он будет работать всю ночь. К красно-зеленому свечению присовокуплялось освещение быстро с первого этажа и свет от вывески «Фотокопия – Рендер», что на доме напротив.

«Если вляпаетесь, вышлют из страны с позором... если

вляпаетесь, вышлют из страны...» Странное, свербящее душу чувство разрасталось. Она несколько секунд наблюдала пустоту в голове, где одиноким трупным насекомым жужжала эта фраза, а потом полезла за ноутбуком.

Когда Вера ввела имя Кристофа Герши в поисковик, ее точно окатило холодным душем. Фонтанными брызгами на экран изверглось множество фотографий человека, который отговаривал ее работать на Эмиля. Одетый в черную форму спецназовца на одном, в парадную форму с фуражкой на другом, рядом с огромной бронемашинной с надписью «BRI» на третьем. И везде эта знаменитая черно-желтая с красным эмблема, на которой справа красовалась горгулья с Нотр-Дам, а слева три буквы – «BRI».

Кристоф Герши оказался не просто из уголовной полиции, как он скромно представился, а бывшим патроном BRI, назначенным недавно окружным комиссаром. Он был легендарным начальником бригады розыска и реагирования, которая занималась расследованием убийств и похищений. На его счету было освобождение заложников там, обезвреживание террористов сям, предотвращение нескольких ограблений. Он мелькал в новостях, его представляли ко всяческим наградам.

Проведя час за просмотром, прослушиванием и прочтением, Вера почувствовала агонию от карусели грабежей, убийств, изнасилований. Утирая мокрый лоб, она все читала и читала, не веря, что вот с этим светловолосым полицей-

ским со шрамом на шее, в потертой куртке говорила пару часов назад. И он был комиссаром!

В конце концов, ее накрыли обреченность и усталость. Куда, прости господи, она лезет?!

Вера резко захлопнула ноутбук и подошла к окну, взявшись за щеколды.

Рамы были тонкими, простыми, но старыми, выкрашенными в несколько слоев белой эмалью, и поддавались с трудом. В конце концов, она справилась с ними, вдохнув свежего ночного воздуха. Окно было перегорожено ажурными металлическими перильцами. Впившись в них пальцами, Вера сначала посмотрела вверх, надеясь разглядеть окна квартиры своего начальника, но над ее этажом повисли алые маркизы, загораживающие четвертый этаж. Она разочарованно вздохнула и глянула вниз. Из ее окна хорошо обозревался балкон офиса агентства, уставленный кадками с буйно цветущими неаполитанскими цикламенами, которые как раз начинали цвести в августе и благоухали весь сентябрь. Свет, льющийся из распахнутых дверей, озарял красные, фиолетовые и цвета фуксии бутоны.

Вера перегнулась еще ниже в надежде поймать их аромат, но до нее донесся запах сигаретного дыма, а следом к перилам подошел мужчина в светло-коричневом костюме. Одна рука его была погружена в карман брюк, в другой он держал сигарету.

– Бонсуар! – крикнула Вера. По светлым с проседью куд-

рям она узнала Юбера – еще одного дядю своего нового начальника. Тот поднял голову и приветливо помахал рукой с зажатой в пальцах дымящейся сигаретой.

– Не спится?

– Нет, это моя первая ночь в Париже! Не уснуть! – смеясь, отозвалась она.

– Спускайтесь! Я как раз открыл бутылку «Божоле Крю», а пить одному совершенно не хочется.

– Разве можно отказаться от такого заманчивого приглашения?

Вера подхватила ключи от квартиры, телефон и, хлопнув входной дверью, быстро сбежала вниз.

Кабинет агентства Герши выглядел несколько иначе при включенном свете. Горели настольная лампа, люстра со свисающими гирляндами стеклянных украшений. Вера заметила детали, которые не увидела в первый свой визит.

Юбер налил вино и протянул ей. Она приняла бокал и опустилась в мягкое, обтянутое зеленым сукном кресло, формой напоминающее бутон тюльпана. И, продолжая разглядывать стены, сделала глоток. Приятная волна тепла окутала облаком неги все тело.

– Вы из Санкт-Петербурга? – спросил Юбер, отпивая вино.

– Да, вы, наверное, обо мне все знаете, – улыбнулась Вера, прикладывая холодное стекло бокала к внезапно запыхавшему виску. Неприятно засвербело в груди от этого простого

вопроса. Показалось, у нее на лбу написано, что она бежала. Но это чувство быстро анестезировалось вином.

– Восхитительный город. Мрачный, серый, город Достоевского и Гоголя.

– Вы любите русскую классическую литературу?

– О, еще как! «Преступление и наказание»... Родион Раскольников... – заговорил он по-французски пылко – с жестами и высокими интонациями. – Этот вулкан страстей, клочкотавший в его душе, просто перевернул мой привычный мир. Несколько месяцев после прочтения я смотрел на людей в страхе узнать, что за материальной оболочкой каждого кроется разрывающий внутренности кислотный пожар чувств, эмоций, подавленных порывов, желания разрушать, созидать, проверять себя на прочность. Выбор моей профессии был отчасти продиктован стремлением разобраться в человеческой природе. Ведь, по сути, мы живем, не зная друг друга. Вот скажите... как психолог: Раскольников был нарциссом?

Вера улыбнулась, не готовая к таким сложным вопросам.

– Думаю, все же да.

– Но ведь он так сильно мучился!

– Вы адвокат? – Вера перевела разговор на другую тему, боясь, что под действием вина будет выглядеть малокомпетентной. А Юбер, кажется, пытался устроить ей проверку.

– Бывший, – ответил тот уклончиво, улыбнувшись так, словно понял, что она его раскусила.

– Интересно... – Вера отпила глоток. Чуть не сорвался бестактный вопрос. Ей захотелось узнать, почему и он, и Эмиль оставили свои профессии и открыли агентство. Ей всегда казалось, что частным сыском занимаются только безработные полицейские, нуждающиеся в деньгах, и самые отчаянные романтики. Судя по тому, в какой части города и в какой квартире они открыли свое бюро, в средствах к существованию не нуждались. Неужели она повстречала самых настоящих романтиков... Такие в природе разве остались?

– В вас есть нечто, – проронил он, глядя на Веру с искренним восхищением. – Наверное, ваши предки давно живут в Санкт-Петербурге?

– Моя прабабушка – дворянка, а прадед – красный офицер.

– Ого! Я же говорил, в вас есть нечто такое. М-м... – Он замялся, постукивая указательным пальцем по стеклу бокала. – Если взять портреты великих женщин и составить из них ретроспективу начиная с античных времен до наших дней, то можно отследить нечто общее во взгляде... в посадке головы... в линии рта... Стержень.

Юбер покраснел до корней волос, видно, осознав, что в попытке соблазнения ступил на очень зыбкую дорожку.

– Позвольте, я принесу к вину сыра и виноград, – спохватился он. – И персики! Вы пробовали наши персики со средиземноморского побережья?

Когда Юбер вышел, взгляд Веры упал на стол, усеянный

папками, бумагами и уставленный канцелярскими принадлежностями фирмы «Montblanc». У экрана компьютера стояла черно-белая фотография. Это было единственное фото в комнате, не считая изображений в подражание импрессионистам и фотокартинам Герхарда Рихтера.

Вера некоторое время сидела в ожидании Юбера, но тот задерживался. Она поднялась, с бокалом в руках прошла по мягкому белоснежному ковру, обвела глазами светлые стены с нежными узорами лепнины по краям, которые приятно контрастировали с ореховым паркетом. Вернулась к столу и нагнулась к фото. Старая карточка, потертая, выцветшая. На ней довольно необычная пара в брезентовых комбинезонах. На фоне доисторический автомобиль, кажется, какой-то из первых «Фордов». Очень старый. Вера не особенно разбиралась, но этому явно было лет сто.

Она было разогнулась и, отпив вина, собиралась вернуться в кресло, но что-то заставило ее поставить бокал и взять фотокарточку в руки.

На нее смотрели Эмиль и Зоя.

Эмиль как будто старше своих лет, вместо крашенных черных волос густая копна кудрей чуть темнее пшеничных, насколько можно судить по черно-белым оттенкам, но выражение глаз то же, да и поджатый рот. Зоя – напротив, кажется задорной девчонкой, у нее коротко подстриженные, торчащие во все стороны черные иглы волос, под мышкой автомобильный шлем с огромными лупами очков.

Вера мотнула головой. Наверное, это их предки – прадед с прабабкой. Но сходство мистически разительное.

Любопытство взяло вверх, Вера повернула рамку и принялась сдвигать металлические язычки, чтобы вынуть фото и посмотреть, подписано ли оно. На миг она затаила дыхание, бросив взгляд на дверь. Тишина; лишь где-то в глубине квартиры раздавался плеск воды – гостеприимный хозяин мыл фрукты.

Быстрыми, дрожащими пальцами Вера вынула деревянную планку, прятавшую заднюю сторону карточки. Слава богу, она не была любительницей современного маникюра, длинные искусственные ногти были ей ненавистны из-за их неудобства. Наконец фото освобождено. В самом низу подпись, будто в насмешку над любопытной Верой: «Эмилю от Зои. Нью-Йорк – Париж. 1908 год. Эту гонку ты будешь помнить вечно».

Она еще раз перечитала надпись, не веря своим глазам. Пришла мысль сделать фото на телефон, она потянулась в карман куртки, но плеск воды из глубины квартиры внезапно прекратился. Не дыша, слушая тяжелые удары сердца, отдающие в уши, Вера принялась заталкивать фотографию в рамку.

Она успела подхватить бокал и отойти от стола на шаг, когда Юбер внес в комнату поднос с виноградом и персиками. Он что-то говорил, весело смеясь. Потом перебросил поднос на правую руку, как заправский официант, левой принялся

сдвигать на столе вещи, рамка упала, громко хлопнув ножкой-подставкой, он ее поднял и тоже отодвинул.

Вера стояла в стороне, водя пальцем по краю бокала, и улыбалась самой глупой улыбкой на свете, как будто ей двигали чем-то большим и тяжелым по голове. Она едва слышала сквозь гул в ушах торопливую и веселую речь Юбера, отвечала невпопад.

– Что с вами? – наконец спросил тот, уместив поднос среди бумаг. – Вы как-то нехорошо побледнели. Ели сегодня?

– Да... Да! – мотнула головой Вера.

– Этот изверг Эмиль – совершенно бесчувственное чудовище! – Юбер упер руки в бока. – Так замотать бедную девушку в первый же рабочий день! Он должен был дать вам время прийти в себя.

– Все в порядке... Просто вино оказалось неожиданно крепким. Я, пожалуй, пойду. Теперь спать хочется.

– Нет, вам нужно что-то съесть. Пара ягод придадут сил, – настаивал Юбер, бросившись отламывать кисточку винограда.

Все, о чем могла думать Вера, – о поисковике. Там должно быть что-то о той гонке. О знаменитой гонке 1908 года, в которой участвовали предки Герши. Или, может, он сам... Он что, продал душу дьяволу? Ему сто с лишнем лет? Такого ведь не может быть, правда?

Юбер проводил ее наверх.

Смятение отступило.

Закрыв дверь, Вера опять оказалась в тишине и темноте своей квартирки. Что на нее нашло? Разве можно шарить по вещам незнакомого человека, пригласившего ее выпить бокал вина? Почему ее так поразила эта фотография? Совершенно точно, все дело в крепком «Божоле Крю».

Подойдя к кровати, Вера села на край, провалившись в размышления. До смерти перепугалась, думала, застанут на месте преступления. Долгий перелет, встреча с несколькими подозреваемыми, комиссаром с внешностью Бельмондо, который довольно грубо предрек ей изгнание из Франции с позором, а потом еще эта фотография...

Вовсе тот Эмиль не похож на этого. И Зоя другая. Детей называли в честь прабабушки и прадедушки, вот и вся интрига.

Вера вынула из кармана телефон. Комнату попеременно освещал то красный, то зеленый свет. Иногда проезжал одинокий автомобиль. Она набрала в поисковике: «Гонка Париж – Нью-Йорк», но тотчас стерла, быстро скинула ботинки, куртку, платье и нырнула под одеяло.

Во сне она неслась по бескрайним американским саваннам на гоночном автомобиле начала прошлого века, вынужденная постоянно тормозить, потому что ярким пятном зажегся красный фонарь светофора.

Глава 6. Ночь в Лувре

Проснулась Вера от пламенеюще яркого солнца, заливающего ее маленькую спальню. Оно припекало, вытягивая из мира сна в реальность гигантскими плюшевыми клещами. С неохотой открыв глаза, она потянулась, но тут же тяжелые, ленивые веки закрылись вновь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.